
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

ЗА ПОРОГОМ

Наш постоянный автор, лауреат литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова, им. Л. Н. Толстого и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, член Союза писателей России.

О том, как солдат дал «пощечину» офицеру и его за это расстреляли, уже много рассказано, написано и даже снят художественный фильм. Я постараюсь не повторяться, а рассказать о тех немногих моментах того дела, которые до сей поры многим были малоизвестны или неизвестны вовсе, и о том, как сложилась судьба всех участников той драмы.

1 сентября 1865 года 65 пехотный Московский полк из Москвы прибыл в город Венев Тульской губернии. Распоряжением командующего Московским военным округом Гильденштуббе от 15 апреля 1865 года командиром полка был назначен полковник ЮнОша Петр Алексеевич (в произношении его фамилии ударение делается на букву «о»), и уже 7 мая ЮнОша прибыл в Венев. «Не успел новый командир еще хорошо познакомиться со своей частью, как начались различные командировки. 26 мая по распоряжению начальства 3-й батальон майора Петрова выступил в село Лопатково Тульской губернии (здесь, видимо, имеется в виду село Лапотково. Г. М.) для конвоирования арестантов гражданского ведомства на работах южной железной дороги. 5 июля команда в 48 человек с прапорщиком Галузиным отправлена была на укомплектование вновь формирувавшихся тогда восточно-сибирских батальонов. 17 июля согласно предписания начальника дивизии 1-й батальон майора Граббе выступил в Тулу для содержания караулов, а 2-й батальон майора Крушевского на станцию Ясенки для конвоирования арестантов на работах южной железной дороги. Вернулись 1-й и 2-й батальоны в Венев только 30 октября 1865 года. Пополнение полка в эти последние

два года производилось, во-первых, людьми из губернских батальонов, которые по случаю переформирования оказались сверхштатными; во-вторых, неспособными для службы в кадровых батальонах и, в-третьих, осужденными за преступления при Московском ордонансгаузе. К тому же расквартирование полка было чрезвычайно разбросано, а гражданское начальство, соблюдая интересы земства, часто отказывало в отводе помещений для занятий; в силу чего не было никакой возможности принять меры к поднятию воинского образования полка. Эти обстоятельства были причиной не совсем удовлетворительного нравственного состояния нижних чинов и, хотя крупных преступлений за это время не было, зато мелкие повторялись постоянно. Так, число штрафованных нижних чинов к 1 января 1866 года составляло 11-ю часть всего полка, бежавших нижних чинов было 44 человека. Даже наружный вид полка был едва посредственный, причем, много красило его обязательное ношение бакенбардов, постоянно подтверждаемое начальником дивизии. Что касается до состава офицеров, то по образованию к 1 января 1866 года состояло: из военной академии — 1 человек; кадетских корпусов — 17; кончивших курс в гражданских высших учебных заведениях — 4; в гимназиях и семинариях — 13; в юнкерских училищах и дивизионных школах — 21; не имеющих никакого образования — 7 человек. Из числа 63 офицеров полка 13 человек были женатых и 50 холостых».¹

Итак, что представлял собой 65 пехотный Московский полк на 1-е января 1866 года. 11-я часть нижних чинов полка были судимы, еще 50 человек были наказаны в дисциплинарном порядке, 44 находились в бегах. Служебная подготовка, дисциплина и морально-нравственное состояние желали иметь лучшего. Можно еще предположить, какую жизнь вели офицеры-холостяки, по возрасту, видимо, молодые люди, в свободные от службы вечера — вино, игра в карты и барышни-крестьянки. К тому же, подразделения полка были дислоцированы в разных местах губернии, и к ним с проверкой на лошадях в одночасье не доберешься. Да еще висит груз ответственности за конвоирование и охрану арестантов. Не приведи Бог командовать таким полком! Полковник Юноша полком командовал умело, и полк выполнял возложенные на него непростые задачи. С началом нового 1866 года полк продолжал нести тяжелую конвойную службу. «21 марта, для принятия арестантов из города Серпухова, был назначен только один 3-й батальон. Для этого предписано было всему батальону, со всеми ротными вещами собраться в Веневе. Здесь были выбраны самые лучшие, опытные и надежные люди для составления конвоя. В каждой роте 30—40 человек с 3-мя унтер-офицерами и с ротным командиром. Оставив всех остальных в Веневе, выбранные отправились по назначению и приняли в Серпухове: 3-я рота штабс-капитана Зарембо — 2-ю московскую арестантскую роту; 10-я рота штабс-капитана Гамзагурдия — 1-ю московскую арестантскую роту; 11-я рота штабс-капитана Кунцевича — ярославскую арестантскую роту; 12-я рота поручика Карпова — владимирскую арестантскую роту. (Каждая арестантская рота была составом в 250 человек). Приняв арестантов, роты повели их на станцию Ясенки Крапивенского уезда на строительство южной железной дороги. На линии строящейся железной дороги арестанты были размещены в выстроенных для них бараках, а Московский полк в ближайших деревнях, лежащих вдоль этой же линии; при этом полк состоял в распоряжении инспектора гражданских арестантов генерал-майора Штемпеля. Здесь служба была весьма тяжела; приходилось каждому нижнему чину быть через день или в конвое во время работы, для чего по всему пространству выставлялась цепь часовых, или в караул, выставляемом при бараках».²

Здесь под словосочетанием «станция Ясенки», безусловно, имелась в виду станция почтовая, железная дорога только строилась. В то же время из места своей постоянной дислокации из Венева в Ясенки прибыл и штаб полка. Он разместился в Ясенках в небольшом доме местного помещика, где одновременно стоял на квартире и командир полка Юноша. В те годы в Ясенках, как мне удалось выяснить у местных

краеведов, имели свои усадьбы два помещика: Лопатин и Кулешов. Многие жители Ясенки еще и в советский период при разговорах продолжали делить Ясенки на две части — Лопатинку и Кулешовку, по названию некогда находившихся там деревень. В одном из помещичьих домов и разместился штаб 65-го пехотного Московского полка, там же снимал комнату и командир полка Юноша, но в доме какого именно помещика был расквартирован штаб и стоял на квартире Юноша, мне узнать не удалось. Единственно, что известно на сегодняшний день, в нем проходил суд над солдатом Шабуниним. «Суд был назначен на 16 июля в квартире полкового командира, занимавшего помещичий дом в деревне Ясенки».³

Вот мы и подошли к тому месту, с которого начнем вести более подробный разговор о солдате Шабунине и его «пощечине» офицеру, но уже с учетом некоторых открывшихся новых фактов. Вторая рота полка располагалась в деревне Озерки, командовал ротой капитан Ясевич. Именно он был тем единственным в полку офицером, окончившим военную академию. «Капитан Болеслав Устинович Ясевич родился 18 декабря 1837 года в дворянской семье Виленской губернии. В 1859 году он поступил юнкером во 2-е Константиновское военное училище, и по его окончании в 1860 году ему был пожалован чин прапорщика. В том же 1860 году Ясевич поступает в Михайловскую артиллерийскую академию. Спустя год его производят в подпоручики, а 30 августа 1862 года он заканчивает академию и получает право на ношение аксельбанта. 14 августа 1862 г. его производят в армейские штабс-капитаны и направляют в 3-й резервный стрелковый батальон. В октябре 1864 года Болеслав Ясевич назначается командиром роты, и приказом от 25 декабря его переводят в 65-й пехотный Московский полк. 4 марта 1865 года он прибывает к новому месту службы, а 10 июня получает чин капитана».⁴

О писаре 2-й роты рядовом Василии Шабунине сведений имеется немного, до сих пор даже неизвестно его отчество. Известно только, что его настоящая фамилия Шабунин, а не Шибунин, как это сказано во многих о нем публикациях и на его могильном памятнике. Также известно, что «на период 1866 года ему исполнилось 38 лет».⁵ Он был на 9 лет старше Ясевича. Родом Шабунин происходил из московских мещан, поступил на службу по рекрутскому набору охотником (по своей собственной воле вместо другого рекрута) в феврале 1855 года, то есть, на период 1866 года он в армии отслужил уже 11 лет. Служил писарем при канцелярии в лейб-гренадерском Екатеринославском его Величества полку, в 1863 году был произведен в унтер-офицеры. Перед хорошо знавшим грамоту унтер-офицером Шабуниним открывалась хорошая перспектива стать офицером, но он пристрастился к выпивке. А когда терпение начальства закончилось, его разжаловали в рядовые. В марте 1866 года Шабунин совершает преступление — кражу: «подвергся суду за продажу мундира, принадлежавшего рядовому Федорову, и тесака рядового Андреева с употреблением вырученных денег на пьянство и уклонение от исполнения служебных обязанностей».⁶

Шестого апреля штрафованный рядовой Шабунин был зачислен ротным писарем во 2-ю линейную роту 1-го батальона 65 пехотного Московского полка. Видимо, он — это мое личное предположение — в полк прибыл из Москвы в числе тех самых солдат, что были осуждены за преступления и содержались при Московском ордонансгаузе, о чем я говорил ранее.

Тем временем полк жил и служил по своему внутреннему распорядку: изучение общевоинских дисциплин, заступление в караул, конвоирование арестантов на строительство железной дороги. Среди арестантов были не только осужденные гражданские люди или нижние воинские чины, но и участники польского восстания 1863—1864 годов. Многие офицеры-поляки перешли на сторону восставших, среди них были и выпускники военных академий, возможно, бывших сослуживцев или просто знакомых Ясевича. Оказавшись из-за этого в непростой ситуации, капитан Ясевич избирает для себя следующую линию поведения — держит со всеми дистанцию,

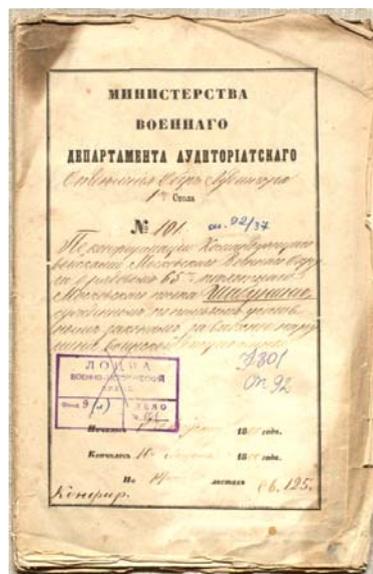
живет строго по уставу, требует соблюдения устава и дисциплины от своих подчиненных. Естественно, это не нравится не только солдатам, но и офицерам его роты. «Капитан как-то сразу отделился от всех своих товарищей и стал в стороне. Он был безукоризненно вежлив со всеми, но строго ограничивал все свои сношения с начальством и товарищами одними служебными сухими отношениями. Среднего роста, сухощавый блондин, скорее даже рыжеватый, с тонкими, правильными, но такими сухими чертами лица и холодным, стальным взглядом серовато-карих глаз, Яцевич (видимо, с подачи этой публикации Овсянникова и произошло искажение фамилии Ясевич на Яцевич. Г.М.) производил какое-то неприятное впечатление. В его присутствии все как будто леденело и свертывалось. Всякий чувствовал себя как-то не по себе. На него косились — он старался этого не замечать».⁷

Итак, 1-й батальон 65 пехотного Московского полка принял конвоирование и охрану арестантов при строительстве южной железной дороги. От Ясенков до Мценска было построено 8 больших барачков для проживания в них от 300 арестантов и выше в каждом барачке. «Штаб второй роты располагался в крайне угрюмой и неприветливой деревушке Озерки, в 3—4 верстах от Ясенков. Командовал штабом молодой, только что кончивший курс в академии генштаба, капитан, поляк по фамилии Яцевич. <...>»

Батальон охранял арестантов при строительстве южной железной дороги на участке дороги в районе почтовой станции Ясенки и деревни Житовки, где располагался один из барачков польских арестантов, в количестве 400 человек.⁸

Итак, из воспоминаний Овсянникова видно, что 2-я рота дислоцировалась в деревне Озерки и занималась охраной арестантов вдоль линии на расстоянии от Ясенков до Житово. Тем временем, между свято соблюдавшим требование воинской дисциплины ротным командиром Болеславом Ясевичем и нарушителем этой самой дисциплины ротным писарем рядовым Василием Шабунинным все больше и больше осложнялись взаимоотношения. И эта друг к другу неприязнь так и не смогла разрешиться мирным путем, и в конечном итоге вылилась в трагедию. Из судебно-следственного дела № 101 по обвинению Шабунина. «Ранним утром в роте проходили строевые занятия, которые закончились в 10 часов. Шабунин отправился в соседнюю деревню и, выпив там в кабаке козушку водки, взял с собою еще полуштоф с козушкою, которые выпивал понемногу, и к 5 часам пополудни был уже пьян довольно порядочно. Во время расположения роты на станции Ясенки, Крапивенского уезда, ротный командир капитан Ясевич, придя после обеда в канцелярию вместе с фельдфебелем Бобылевым, чтобы приказать подсудимому Шабунину приготовить к батальонному учению подробный расход по людям, снова нашел его в нетрезвом виде; почему приказал фельдфебелю посадить его в отдельное помещение и приготовить розог, имея намерение после учения наказать его; когда же капитан Ясевич вышел в сени, то подсудимый Шабунин, отправившись за ним, произнес: "За что же меня в карцер, поляцкая морда, вот я тебе дам!" и при этом ударил его рукою по лицу, отчего у Ясевича потекла из носу кровь, после чего фельдфебель и находившийся при канцелярии рядовой Степан Мясин схватили Шабунина и, по приказанию ротного командира, посадили под арест».⁹

Согласно сведений свободной электронной энциклопедии «Википедия», козушка (косуха, сороковик) — русская единица измерения объема жидкости. Использовалась

для измерения количества вино-водочных напитков. 1 косушка = 1/40 ведра = 1/4 кружки = 1/4 штофа = 1/2 полуштофа = 1/2 водочной бутылки. Штоф, согласно все той же Википедии,— единица измерения объема жидкости. Использовалась, как правило, при измерении количества вино-водочных напитков. 1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 литра. Если брать во внимание бутылку объемом 0,5 литров, то в общей сложности получается, что Василий Шабунин выпил приблизительно 1 литр 150 граммов водки.

После происшествия, как теперь уже известно, капитан Ясевич на имя командира полка подал два рапорта — один о случившемся, а другой о своей болезни. Командир полка полковник Юноша прекрасно понимал, что этим чрезвычайным происшествием на полк ложится пятно позора, но преступление невозможно было скрыть, потому что солдат ударил офицера «при четырех свидетелях: фельдфебеле Бобылеве, рядовом Степане Мясине и двух хозяйках дома, где помещалась ротная канцелярия, Палагее и Анне Шептатовых»¹⁰.

Как видно из судебно-следственного дела, преступление произошло «во время расположения роты на станции Ясенки». Означает ли это, что Шабунин ударил Ясевича именно на станции Ясенки? Конечно же, нет. Здесь суд, видимо, учитывал диспозицию полкового приказа, обязывающего батальон прибыть на станцию Ясенки и, готовя судебные документы, исходил из этого приказа, особенно не вдаваясь в подробности, в какой именно деревне в это время была расквартирована 2-я рота батальона. К слову, название железнодорожной станции Ясенки в дальнейшем и произошло от названия станции почтовой, находящейся напротив нынешней железнодорожной станции Щекино. В свое время я, исследуя в ГАТО полицейские и судебные фонды, изучил прошение в суд, поданное телеграфистом станции Ясенки Пальцевым: «Сего 14 августа в 8 часов утра, проходя через шоссеюную дорогу близ станции Ясенки на почту, был встречен крестьянином Иваном Есиповым, который без всякой причины обрушился на меня потоком бранных слов при свидетелях, водолива станции Ясенки Михаила Ерошева и сторожа той же станции Степана Чубукина, живущих, как и Есипов, при вышеуказанной станции. На предложение мое Есипову быть вежливым, каковой уже позволил себе выражаться площадной бранью. Считаю себя оскорбленным, и имею честь покорнейше просить суд разобрать это дело и привлечь виновного к ответственности. Августа 14 дня 1899 года Николай Николаевич Пальцев, телеграфист станции Ясенки, живущий в станционном здании станции Ясенки Московско-Курской железной дороги». Видимо, под шоссеюной дорогой здесь подразумевалась дорога, идущая на Крапивну, ныне это улица Болдина. В те времена, как правило, на почтовых станциях отдыхали курьеры, ямщики меняли лошадей, а потому люди привыкли к такому названию как Ясенки, и давать введенной в строй железнодорожной станции иное название, чем Ясенки, было бы абсурдно.

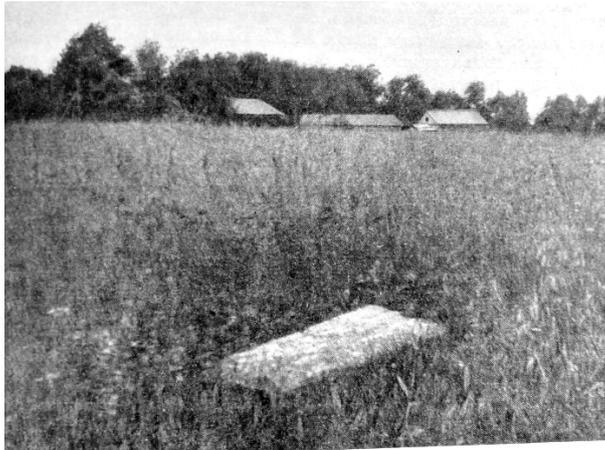
«Помню, что, приехав в деревню Озерки, где содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это в особом помещении, или в том самом, в котором и совершился поступок), и войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица»¹¹. Я специально акцентирую внимание на том моменте, что преступление Шабуниним было совершено в деревне Озерки, а не в Новой Колпне, как об этом написал в своих воспоминаниях секретарь Льва Толстого Н. Н. Гусев. «6 июня в 65-м Московском пехотном полку, расположенном неподалеку от Ясной Поляны в деревне Новая Колпна, ротный писарь Василий Шабунин ударил по лицу своего ротного командира капитана Ясевича»¹². Думаю, что граф Лев Толстой, исколесивший окрестности Ясной Поляны и побывавший фактически во всех близлежащих к Ясной Поляне деревнях, вряд ли перепутал бы название деревень. А потому я склонен более верить его воспоминаниям. Не буду описывать само преступление, о нем все давно известно до мельчайших подробно-

стей, коснусь событий дальнейших. А в дальнейшем над Шабуниным состоялся суд. Существует мнение, что военно-полевой суд состоял из трех человек, председательствовал в суде сам командир полка полковник Петр Юноша, а членами суда были два полковых офицера — подпоручик Григорий Колокольцов и прапорщик Александр Стасюлевич. При этом Юноша и Колокольцов проголосовали за смертную казнь, а Стасюлевич против, но его голос был один против двух, и участь Василия Шабунина была решена. Но это мнение не совсем верное, и вот тому подтверждение: «Я очень рад, что вы мне доставили удовольствие воскресить в памяти то, что 23 года тому назад так сильно меня волновало... признаться, у меня многое из этих подробностей стусеивалось в памяти, но теперь я все припоминаю до мельчайших подробностей... даже вижу, как разместились судьи за своим столом: в середине Юноша, далее Кириллов, Колокольцев и Стасюлевич... пятого не припомню... и прокурор был, кажется, Соколов»¹³. Оказывается, в суде заседали не трое судей, как принято считать, а пятеро. Но как проголосовали те двое — Кириллов и тот, чья личность не установлена, — к сожалению, неизвестно; граф Толстой Овсянникову об этом не рассказал. Изучая списки офицеров полка, составленные штабс-капитаном Смирновым, я обратил внимание на одну из записей; в ней указано следующее: капитан барон Константин де Палемберг — ассессор в комиссии военного суда при Московском комендантском управлении; окончил 2-й кадетский корпус¹⁴. По логике, офицер, имеющий такую должность, безусловно, и должен быть членом полкового суда, но это, опять же, только предположение. Существует еще одно ошибочное мнение, что Лев Николаевич, отправляя прошение своей двоюродной тетушке графине Александре Андреевне Толстой — фрейлине русского императорского двора, — забыл указать номер полка, где произошло преступление, поэтому военный министр Дмитрий Милютин не стал рассматривать его прошение. И это мнение — авторитетное, исходящее из воспоминаний самого графа Толстого. «Я рассчитывал, что наш закон, основанный на духе милосердия, сам решит это дело в пользу Шибунина (в тексте фамилия указана именно Шибунин Г. М.), но я ошибся. Приговор, как вы знаете, был суровый — смертная казнь... Тогда я принял другие меры; но, к сожалению, они опять-таки не помогли, и здесь уже было явное нежелание тогдашнего военного министра Милютина...»¹⁵.

Как теперь выяснилось, это не так. Милютин рассмотрел прошение Толстого, даже отдал некоторые распоряжения по этому делу. Теперь тоже есть тому подтверждение, цитирую: «Нужное. Прошу доставить мне справку по делу об одном рядовом Московского или Бутырского пех. полков (не помню точно которого), ударившего по лицу своего ротного командира. Рядовой этот, в июне сего года, был предан суду по полевым законам. Приговор был представлен на конфирмацию Ген. Ад. Гильденштуббе. В чем состоит конфирмация его? Д. Милютин. 25 июля»¹⁶. Конфирмация — это утверждение приговора. Но военный министр Милютин, ознакомившись с делом, видимо, не стал вмешиваться в решение военно-полевого суда. Здесь он, может быть, уже не мог повлиять на ситуацию, так как дело было на контроле у царя; ведь не просто так на последней странице судебного-следственного дела № 101 имеется запись, сделанная Милютиным: «Доложено Его Величеству»¹⁷.

«Казнь Шабунина была назначена на утро 9 августа. Место казни было определено вблизи деревни Новая Колпна, в 22 верстах от Тулы. К назначенному времени был выведен в полном составе весь первый батальон, а из других батальонов — сводные команды, составленные преимущественно из штрафованных солдат. Шабунин в сопровождении священника, одетого в черную ризу, под конвоем был проведен мимо всего строя и остановлен в середине для выслушивания приговора. Он был совершенно спокоен и шел твердым шагом. При начале чтения приговора он несколько раз перекрестился; выслушав приговор, спокойно приложился к кресту. Ему связали руки, завязали глаза, надели саван, подвели под руки и привязали к черному столбу,

сзади которого была вырыта глубока яма. Раздался бой барабанов. Заранее назначенные 12 стрелков подошли на 15 шагов и сделали залп. Две пули попали в голову и четыре в сердце. Доктор констатировал мгновенную смерть. Некоторые женщины безутешно рыдали, другие падали в обморок. Ветки быстро обрубали и еще теплый труп столкнули в яму, которую тут же засыпали землей. Через десять минут убрали столб. Войска, перестроившиеся к церемониальному маршу, по отвратительному ритуалу того времени, с музыкой прошли мимо ямы и были распущены по квартирам»¹⁸.

Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки.
С фотографии.

Бытует мнение, что Шабунина перезахоронили в ограде братской могилы на улице Льва Толстого в Щекино. По крайней мере, так указано в свободной электронной энциклопедии «Вики Щекино». Не в обиду будет сказано авторам и составителям этой энциклопедии, в ней в сведениях о Шабунине указано много неточностей: искажена его фамилия, написано выдуманное отчество (Николаевич), которое не указано нигде, даже в его судебном-следственном деле, неверно указан его возраст и, естественно, якобы, имевший место факт перезахоронения. Видимо, это мнение с перезахоронением сложилось из-за имеющейся фотографии могильного холмика с надписью: «Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки». Все правильно написано под фотографией. Место казни и захоронения Шабунина находится примерно на одинаковом расстоянии между бывшими деревнями Новая Колпна и Ясенки, теперь это соответственно улицы Советская и часть улицы Болдина города Щекино. Вряд ли истлевший за почти столетие прах Шабунина в советское время подвергли процедуре перезахоронения. Без всяких сомнений он был расстрелян и погребен на том самом месте, где находится и всегда находилась его могила. Еще один интересный факт: из двенадцати стрелявших в Шабунина солдат попали шестеро, остальные шестеро либо промахнулись, либо специально выстрелили мимо него. Это наводит на определенные размышления: либо у солдат была плохая воинская подготовка, либо они специально выстрелили мимо. Я склоняюсь ко второй версии, потому что с 15-и шагов не попасть в ростовую фигуру человека, к тому же стоящего неподвижно, просто невозможно. А если солдаты специально выстрелили мимо, то это ни что иное, как негласный вызов и сопротивление. Сопротивление приказам командиров и вызов существующей власти в виде суда, пусть и военно-полевого. Значит, солдаты уже морально были готовы повернуть оружие не только против своих командиров, но и против существующего государственного строя. Как жаль, что мы никогда и ни из каких архивов не узнаем фамилии тех шестерых, которые каждый в отдельности не захотели стать палачами.

Однако казнь Шабунина в моральном плане повлияла не только на выстреливших мимо солдат, но и на самого графа Толстого. «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потери близких людей», — впоследствии скажет он своему биографу Павлу Бирюкову.

В октябре 1866 года работы по строительству железной дороги были прекращены

из-за наступившей непогоды и начавшейся распутицы. Первым снялся 1-й батальон и отконвоировал часть арестованных в Тулу. «19 октября 1866 года возвратился со станции Ясенки 3-й батальон и полковой штаб прямо в г. Венев; 2-й батальон оставался при арестантах, помещавшихся в бараке № 4 еще некоторое время и только в ноябре месяце возвратился в свои зимние квартиры. Трудная конвойная служба этого года была причиною того, что из полка бежало 52 человека нижних чинов»¹⁹. В 1870 году 65 пехотный Московский полк ушел к новому месту постоянной дислокации в город Калугу, навсегда покинув Тульскую губернию.

Вот теперь мы и подошли к тому моменту, о чем я и хотел рассказать в этой статье, — о дальнейшей судьбе участников этой драмы. А судьба их не проста и во многом трагична. Начну с голосовавшего против смертной казни Шабунина Александра Стасюлевича.

Лев Толстой с Александром Стасюлевичем был знаком еще до этого трагического случая. Они встретились во время Кавказской войны. Их встрече предшествовало знакомство Льва Николаевича с его старшим братом — Матвеем Матвеевичем Стасюлевичем, петербуржцем и дворянином, главным редактором журнала «Вестник Европы». Александр Матвеевич Стасюлевич отчасти послужил прообразом главного героя рассказа Льва Толстого «Разжалованный». И когда летом 1866 года к графу в Ясную Поляну приехал Стасюлевич просить его выступить на суде защитником солдата Шабунина, Толстой узнал его и согласился. Кстати, вместе со Стасюлевичем к Толстому приезжал Григорий Колокольников; затем Колокольников вместе с Толстым ездил в Озерки к арестованному Шабунину. Почему же он на суде проголосовал за расстрел Шабунина, для меня остается загадкой. Видимо, по молодости находился под влиянием командира полка Юноши. А Стасюлевич имел свое мнение, он был в более зрелом возрасте и уже был «бит жизнью». «Стасюлевич — Александр Матвеевич Стасюлевич (р. ок. 1830, ум. 1867), брат редактора-издателя «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, подпоручик Эриванского полка. 18 августа 1852 г. «за неодобрительное поведение и разные противозаконные поступки по отправлению должности караульного офицера разжалован в рядовые с лишением дворянства»²⁰. Юноша и Стасюлевич вместе учились в кадетском корпусе, и после осуждения и разжалования Стасюлевича из поручиков в рядовые — в его дежурство из тюрьмы в Тифлисе (Тбилиси) совершили побег опасные преступники — полковник Юноша взял его к себе в полк рядовым. Со временем вновь присвоил ему первоначальное офицерское звание — прапорщик, а на момент 1867 года он находился в чине поручика. В том 1867 году Стасюлевича не стало. Вот как описывает его гибель штабс-капитан Смирнов. «Из более выдающихся событий этого года — это насильственная смерть подпоручика Стасюлевича, утопившегося 22 августа в р. Веневке, по случаю болезни полнокровия мозга и легких»²¹.

Кстати, штабс-капитан Смирнов в своей исторической работе постоянно отражал случаи происшествий, правонарушений и преступлений, произошедших в полку за тот или иной определенный период времени. Удивительно, почему же он не отразил случай нанесения физического оскорбления капитану Ясевичу Шабуниним?! Для меня это тоже загадка.

Проголосовавший за смертную казнь подпоручик Григорий Аполлонович Колокольников родился в 1845 году в селе Трубетчино Пензенской губернии в дворянской семье. Его отец Аполлон Григорьевич Колокольников и мать Мария Николаевна Колокольцова (Желтухина). В семье кроме Григория было еще четверо детей: Николай, Владимир, Елизавета и Надежда. Григорий Аполлонович окончил 2-й Московский кадетский корпус, его товарищем по кадетскому корпусу был Александр Андреевич Берс, родной брат Софьи Андреевны Толстой (Берс), жены Льва Николаевича Толстого. В 1875 году Григорий с должности полкового казначея 1-ого гусарского Его Величества наследника принца Датского полка и в чине штабс-ротмистра вышел в

отставку. После отставки какое-то время жил в Москве, навещал Толстых в Ясной поляне, а в 1880 году уехал в Пензенскую губернию, где жил в родительском имении. Григорий женился на дочери помещика Козловского уезда Тамбовской губернии Ивана Александровича Сабурова Татьяне. У них было четверо детей: Мария, Ольга, Аполлон и Вера.

В 1916 году Татьяна Ивановна умерла, а в 1918 году не стало сына Аполлона и самого Григория Аполлоновича. Одна из его дочерей, Вера, в Гражданскую войну служила сестрой милосердия в рядах Красной армии. Она вышла замуж за комиссара санчасти дивизии Красной армии К. А. Шпермана, а в 1934 году вторично вышла замуж за С.В. Писаненко. Старшая дочь Мария Григорьевна дожила до 1973 года и умерла в возрасте 80 лет²².

Ротный командир капитан Болеслав Устинович Ясевич после того трагического случая службу продолжил. В соответствии со списком офицеров полка, составленным штабс-капитаном Смирновым, в 1868 году капитан Болеслав Ясевич состоял в должности командира 7 роты. Нужно отметить, что опозоренный солдатской «пощечиной», он по службе, несмотря на окончание Академии, выше должности ротного командира так больше и не поднялся. В 1876 году 65 пехотный Московский полк готовился к военному походу; вот как об этом рассказывает штабс-капитан Смирнов: «2 ноября телеграмма начальника дивизионного штаба возвестила о мобилизации полка. Немедленно началась усиленная и спешная работа по всему полку по приведению его на военное положение. Уже 3 ноября кадры запасного батальона в составе капитана Астафьева, шт.капитанов: Прозорова и Тихоновского, поручика Януша и подпоручика Васильева с нижними чинами были отправлены к своему месту формирования в г. Рязск. <...>. 7 ноября стали прибывать партии запасных нижних чинов на укомплектование полка, и до 10 числа прибыло 4 партии, численностью 1448 человек. В это же время получено было предписание — полку 15 ноября выступить из Калуги по железной дороге на станцию Полонная (Волынской губернии) для присоединения к армии, назначенной действовать за Дунаем»²³. Каждому военному выступлению всегда сопутствует прохождение медицинской комиссии. Военные медики и выявили у капитана Ясевича серьезные проблемы со здоровьем. Обратимся к работе С. А. Экштута. «Конец Ясевича был жалок и страшен. Он год провел в военном госпитале, страдая от душевной болезни. "При поступлении в госпиталь 3 ноября 1876 года у него замечались следующие явления: взгляд был блуждающий, на вопросы отвечал сбивчиво, причем, замечено было ослабление памяти; движения были вялы и медленны, ко всему относился апатично. ...Все вышеозначенные явления указывают на существование у г. Ясевича душевной болезни, в форме слабоумия. Болезнь продолжается около двух лет, причина ее сифилис и хронический катар кишок. По своему состоянию и характеру болезнь неизлечима". В марте 1878 г. его уволили от службы с производством в чин майора и назначили пенсион в размере 210 рублей в год. Получалось менее 58 копеек в день. Это была не бедность. Это была нищета. Детей у отставного майора не было, жена, дочь отставного штабс-ротмистра, как и сам Ясевич, не имела никакого имущества. Свои дни они закончили в Рязанской губернии. Дата их смерти и место погребения неизвестны»²⁴. Вот так закончил свою службу и свой жизненный путь грамотный и некогда перспективный офицер. Ну, и у нас остается последний самый важный участник той драмы — это командир полка полковник Петр Алексеевич Юноша. Его важность, на мой взгляд, состояла в том, что он, имея власть большого воинского начальника, мог повернуть ход судебного процесса в противоположную сторону и спасти рядового Шабунина; например, направить его на принудительное лечение или отправить на каторгу и тем самым сохранить ему жизнь. Но не повернул, не отправил, не сохранил.

Петр Алексеевич Юноша происходил из потомственных дворян Уфимской губернии. Он родился в офицерской семье, и его жизненный путь был определен

изначально. Воспитанник 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса, он всю свою жизнь посвятил военной службе. Прошел воинский путь от кадета до генерал-майора. «В 1873 году, в конце мая, полк выступил в лагерь под Москву. Здесь высочайшим приказом 4 июня полковник Юноша был назначен Оренбургским губернским воинским начальником, и был вскоре произведен в генерал-майоры»²⁵. «Умный, сдержанный полковник Юноша в течение всего времени командования полком в весьма трудные годы его службы успел настолько заслужить расположение всех чинов и званий, что все в нем, как говорится, души не чаяли: никого никогда не оскорбил он резким словом или возгласом, всегда и всюду являлся действительным отцом своих подчиненных, а в то же время на службе он всегда был тверд и настойчив»²⁶.

В Оренбурге Петр Алексеевич женился. Его жену звали Вера Ивановна. В 1876 году у них родился сын, названный в честь деда — Юрием. В должности губернского воинского начальника генерал-майор Петр Алексеевич Юноша прослужил шесть лет. В 1879 году его не стало. Вере Ивановне в ту пору было 25 лет. Несмотря на молодой возраст, замуж она больше не вышла, сына поднимала одна. Юрий Алексеевич, как и отец, стал военным. Он окончил Симбирский кадетский корпус, затем Михайловское высшее артиллерийское училище. После окончания училища Алексей Петрович женился. Его жена Евгения Ивановна не дворянского происхождения. От совместного брака у них родились дети — дочь Наталья и в 1909 году сын Юрий. Алексей Петрович до революции служил в артиллерийских частях, в городах Рязани, Нижнем Новгороде и Самаре. Участвовал в Японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Трижды был ранен и четыре раза за храбрость награждался орденами, Георгиевский кавалер. В 1916 году в бою в окрестностях польского городка Дукла полковник Петр Юноша был ранен в голову и в бессознательном состоянии взят в плен. Из плена он вернулся только после революции в 1918 году, жил в своей квартире в Петрограде. В том же 1918 году добровольцем поступил на службу в отдел снабжения тяжелой артиллерии Главного артиллерийского управления Красной армии. Он — автор семи книг и большого числа статей по вопросам артиллерийской стрельбы. Изобретатель двух приборов для пристрелки орудий. С сентября 1926 года начал преподавательскую деятельность. Преподавал военные дисциплины в Ленинградском политехническом институте, Военно-морской академии, Ленинградском электромеханическом институте и Институте инженеров промышленного строительства. В 1934 году назначен начальником военно-учетной части Ленинградского индустриального института. 26 июня 1937 года уволен из института и в декабре того же 1937 года арестован по обвинению в контрреволюционной агитации среди студентов и в шпионской деятельности в пользу Германии. «17 января 1938 года внесудебно приговорен комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по статьям 58-6-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 25 января 1938 года в Ленинграде. Реабилитирован посмертно решением Военного трибунала Ленинградского военного округа в 1965 году»²⁷.

После ареста и расстрела Алексея Петровича, его мама Вера Ивановна — жена бывшего командира 65 пехотного Московского полка Петра Алексеевича Юноши — стала жить со снохой Евгенией Ивановной, внучкой Натальей Предтеченской и правнучками Ириной, Еленой и Татьяной. Вскоре беда настигла и сноху. Евгения Ивановна, как жена врага народа, была подвергнута административной ссылке в город

Устюжна Вологодской области. В 1939 году ей было разрешено вернуться в Ленинград. Во время Великой Отечественной войны на ленинградцев выпало трудное бремя. Не обошло оно стороной и потомков Петра Алексеевича Юноши. Вот как рассказывает о том трагическом времени его правнучка, жительница Санкт-Петербурга Ирина Георгиевна Лицкевич, пережившая блокаду Ленинграда и голод, цитирую: «Во время Отечественной войны трудная судьба выпала на долю дедушкиной мамы Веры Ивановны Юноша, дедушкиной жены, их детей Натальи и Юрия, внучек Ирины, Елены и родившейся в марте 1939 г. Татьяны. Дядя Юра был эвакуирован с заводом «Светлана», а нам досталась первая, самая трудная, блокадная зима. Первой погибла от голода, холода и болезни прабабушка Вера в январе 1942 г., а второй — бабушка Женя, в феврале того же года. Прабабушку Веру мама отвезла на санках, завернутую в простыню, на Серафимовское кладбище в общую могилу. Был сильный мороз, а народу умирало очень много, всех складывали, не записывая и не зарывая, просто забрасывали снегом. И только весной всех похоронили, конечно, без всяких обрядов и свечей, поставив общий памятник. Бабушку Женю мама отвезла тоже на санках на Богословское кладбище и похоронила в отдельной могиле. Оставшаяся часть нашей семьи была принудительно отправлена в августе 1942 г. в Башкирию. Мы вернулись из эвакуации к началу учебного года в конце августа 1944 года»²⁸.

Когда Лев Николаевич Толстой во время суда над Шабуниным понял, что не сможет спасти его, он заплакал. И эти его слезы были не результатом своего судебного поражения, а причиной того, что он прекрасно понимал, что Шабунин был душевно болен, а судить, и тем более казнить душевно больного человека, — это не только не по-закону, но и не по-христиански. Понимал ли это полковник Юноша? Возможно, что понимал, он же был не глупым человеком. А если это так, то он находился в еще более худшем положении, чем граф Толстой. Не наказать преступника — это равносильно отдать на поругание своего подчиненного капитана, фактически дать ему еще одну пощечину. Наказать, а тем более казнить больного человека — это значит взять на себя большой грех. Но он, как мы уже знаем, для своих подчиненных был не только командиром, но и отцом родным. А потому он взял на себя этот грех, а за грехи родителей часто отвечают их дети. Спустя много лет его сын Алексей Петрович Юноша при расстреле испытает те же самые муки, что и Василий Шабунин. Случайность это или все же — Судьба отомстила? На этот вопрос ответ не требуется, пусть каждый останется при своем мнении. Вот, пожалуй, и все о чем мне хотелось рассказать нашим читателям, после того, как 65 пехотный Московский полк ступил за порог Крапивенского уезда Тульской губернии.

Р.С. «Наступило 17 сентября. (Речь идет о 1866 году. Г.М.) Настроение у всех и у меня было праздничное. Все мы нарядные, в легких белых платьях с цветными лентами. Обеденный стол украшен цветами, и новая терраса залита солнцем. Помню, как шумно и весело в 5 часов вечера сиделись

мы за стол. И вдруг из аллеи сада послышался оркестр. Он заиграл увертюру из оперы «Фенеллы», которую так любила Соня. Все мы, кроме Сони, знали, что Лев Николаевич просил полковника Юношу прислать оркестр, но должны были хранить это в тайне. <...> После обеда приехал кое-кто из офицеров и Стасюлевич, и затеяли танцы. Танцевали все, начиная с полковника Юноши, Льва Николаевича и Дьякова. Обе тетеньки и бедная Долли были зрителями. Все это происходило на террасе. Стасюлевич по принуждению танцевал кадрили. Красота и теплота ночи были поразительные. Мы все спускались по декоративной лестнице вниз, в аллею сада. Был ущерб луны, и она взошла лишь к 11 часам. После танцев музыкантов угостили ужином с пивом, и в первом часу ночи, заиграв марш, выступили они с офицерами в Ясенки. Все это было торжественно и красиво, как и сама полусветлая ночь, с блестящими осенними звездами»²⁹. 17 сентября — сороковой день со дня казни Василия Шабунина. В то время, как его душа, после мытарств, окончательно уходила в иные миры, все участники драмы в Озерках, забыв о судебных разногласиях, веселились и танцевали под музыку полкового оркестра.

А 65 пехотный Московский полк еще полвека будет защищать интересы Империи. Его солдаты и офицеры проявят мужество и героизм в войнах с Турцией, Японией, Первой мировой и Гражданской войнах. А в 1918 году 17 пехотная дивизия, в составе которой находился 65 пехотный Московский полк, будет расформирована за ненужностью. Впрочем, это уже совершенно другая история.

1. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка», стр. 479—480.

2. Там же, стр. 480—481.

3. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.», М, 1957 г.

4. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 12. Д. 5420. Л. 17. С. А. Экштут «Казнь рядового Шабунина. Почему деятели культуры — от Льва Толстого до сегодняшних режиссеров — сделали из пьяного преступника жертву режима», журнал «Родина» 01.03.20 г. (электронная версия).

5. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 801, оп. 92/37, д. 101. Св. 1549, 1866 г. стр. 12.

6. Там же.

7. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 17.

8. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 8.

9. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 14.

10. Там же.

11. П. И. Бирюков. «Лев Николаевич Толстой. Биография», изд. «Посредник», М. 1908, том 2, стр. 94.

12. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.», М, 1957 г.

13. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л.Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.

14. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Список штаб и обер-офицеров полка к 06.05.1868 г», Приложение № 25.

15. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.

16. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 9.
17. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 16.
18. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 71.
19. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Дела полкового архива», Примечание. Глава XLVII, п. 6.
20. П. О. Бобровский. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет (1642—1892), СПб. 1892—1897, т. VI, стр. 354.
21. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 482.
22. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.
23. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 490—491.
24. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 400, оп. 12, д. 5420, стр. 3, 11.
25. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 486.
26. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 485.
27. Материал почерпнут из свободной электронной энциклопедии «Википедия».
28. Воспоминание И. Г. Лицкевич, г. Санкт-Петербург. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.
29. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. III. Гл. XVIII. Тула. 1964. Стр. 412.

На фото:

Нижние чины с нагрудными знаками 65 пехотного Московского полка;
Обложка судебного-следственного дела рядового Шабунина;
Могила солдата Шабунина;
Алексей Петрович Юноша;
Могила солдата Шабунина в наши дни.

Фотографии взяты из открытых источников интернета.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

**ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ШИПОВО И ДЕРЕВНИ
КРОПОТОВО**
Неизвестные факты о лермонтовских местах

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Село Шипово, деревня Кропотово Становлянского района Липецкой области до 1928 года входили в состав Ефремовского уезда (района) Тульской губернии. Эти места представляют большой интерес для всех лермонтоведов. Именно в деревне Кропотово жили дед великого поэта Петр Юрьевич Лермонтов, его отец Юрий Петрович Лермонтов. В селе, в здании храма, родственники поэта совершали церковные таинства. В деревню приезжал к отцу и Михаил Юрьевич. После смерти отца Михаил Юрьевич был законным владельцем части усадьбы в Кропотово, которую продал одной из сестер отца. В последующие годы имение поменяло несколько землевладельцев. Перед Октябрьской революцией 1917 года главой усадьбы была Кочалова-Алитовская. Во время событий 1917—1918 годов имение не постигла участь разрушения, как многих усадеб помещиков. Но, как и все владения землевладельцев, оно было экспроприровано. Дальнейшее использование построек, имущества и земельных угодий регулировалось исполнительной властью. Большинство этих фактов для лермонтоведов и исследователей известно. Но архивы хранят и неизвестные еще факты. Об одном из них — о детских домах в селе Шипово и деревне Кропотово и расскажем.

Сироты, безнадзорные и беспризорные всегда есть в любом обществе. И в царской России они были. То, что случилось после революции, Первой мировой и Гражданской войн 1917—1922 годов, по масштабам сложно даже представить. Детская безнадзорность и преступность приобрела характер эпидемии. В полном хаосе общественной жизни силы и средства на решение этой проблемы были найдены. Новым правительством было издано множество декретов и постановлений, активно подключился ЧК.

Первоначально система борьбы с беспризорностью была простой: ребенка забирали с улицы, передавали в приемный пункт, а оттуда — в детский дом.

В городе Ефремове и уезде также создалась сложная обстановка с беспризорностью. Приемные пункты и детские дома организовывали, как в городе, так и в населенных пунктах уезда, которые быстро заполнились. Положение детей в них сложилось плачевное. Особенно тяжелое положение было в приемниках-распределителях.

Проблема детской беспризорности обострилась с особой силой в 1921 году, когда на Россию обрушилась губительная засуха, пришел небывалый для государства голод. Выяснилось, что прокормить детей государство не в состоянии, не в состоянии было содержать большое количество детских учреждений. Детей возвращали установленным родителям, родственникам. Сирот передавали в семьи крестьян и кустарей. Чтобы заинтересовать их, им предоставляли дополнительный земельный надел

на каждого ребенка, освобождали от единого земельного налога на 3 года, ребенок получал право бесплатного обучения, семьи получали единовременное пособие. Происходило сокращение детских домов.

Под сокращение попали и детские учреждения в городе Ефремове и в уезде. В декабре 1921 года происходит ликвидация детского распределителя, приемно-наблюдательного пункта и 6 детских домов, которые имели статус Детских Коммун. Попала под ликвидацию и Детская Коммуна № 1, расположенная при деревне Кропотово Шиповской волости Ефремовского уезда. Для этого детского дома были отданы постройки, ранее принадлежавшие Лермонтовым. Персонал и воспитанники Детской Коммуны также использовали инвентарь и земли имения бывших владельцев. Для Коммуны было выделено 3 десятины земли, которую воспитанники обрабатывали собственными силами. Проживали они в деревянном доме. В постройки были завезены только часть железных и деревянных кроватей и различная посуда. В детском доме находилось 52 воспитанника: 35 девочек и 17 мальчиков. Возрастной состав был различен: от 8 до 12 лет — 23 воспитанника, от 12 до 15 лет — 20, от 15 до 17 лет — 9. Персонал Детской Коммуны состоял из педагогических и технических работников: 5 педагогов, завхоза, сторожа, дворника, кухарки, 2 прачек.

Как уже ранее отмечалось, положение детей в детских домах было плачевное. Не был исключением и детский дом при деревне Кропотово. О нормах обеспечения воспитанников учреждения бельем, одеждой, обувью нельзя было говорить, что они соблюдались. Приведу отдельные цифры. Из постельного белья не хватало 36 одеял, 96 простыней, 136 наволочек, а также 100 полотенцев. Для воспитанников детского дома не имелось 17 головных уборов, 44 пальто, обуви 42 пары. Далее перечислим дефицит белья из одежды в трех комплектах и будет окончательно понятно, в каких условиях проживали дети. По нормам обеспечения не хватало: рубашек для девочек — 80, панталон — 65, платьев — 65, рубашек для мальчиков — 33, штанов и кальсон по 30, чулок — 86 и других принадлежностей. Топливо для детского дома не поставлялось.

При закрытии детского дома в д. Кропотово составлялась «Опись инвентаря и построек Детской Коммуны № 1 при дер. Кропотово Шиповской вол. на 1 января 1922 года». Всего указано 146 наименований предметов.

В первом разделе описи указаны постройки: дом деревянный, занимаемый коммуной, два флигеля кирпичных без ремонта, два флигеля деревянных без ремонта, скотный двор в заброшенном виде, стены, каретный сарай, старая рига, амбар сушила, выход для хранения продуктов, ледник (подвал), конюшня каменная, щепной двор, слесарная мастерская и баня.

Во втором разделе описи — имущество, находящееся в слесарной мастерской, указано 20 наименований с количеством 23 предметов.

В третьем разделе описи — имущество, находящееся в амбарах, показано в 8-ми позициях 52 предмета.

В четвертом разделе описи — имущество, находящееся в каретном сарае, указано 9 наименований с количеством 14 предметов.

В пятом разделе описи — имущество, находящееся на щепном дворе, указано 20 наименований с количеством 40 предметов.

В шестом разделе описи — кухня и хозяйственные принадлежности, указано 12 наименований с количеством 30 предметов.

В седьмом разделе описи — посуда, указано 18 наименований с количеством 273 предметов.

В восьмом разделе описи — сбруя, указано 9 наименований с количеством 15 предметов.

В девятом разделе описи — имущество, находящееся в коммуне, указано 35 наименований с количеством 131 предмета: стол дубовый, швейная машинка, стол мас-

сивный, гардероб, буфет, два кресла кожаных, 10 лавок деревянных и 2 дивана, зеркало большое, книжный шкаф, часы, 19 кроватей железных, 32 кровати деревянных, стол складной, 2 картины в рамах, 2 картины без рам, стол ломберный, угольник, 2 полукруглых, рукомойник, сундуки - большой и малый, 5 стульев, табуретка, рояль, весы, 2 комода, несгораемый ящик, мраморный столик, 10 мешков, 6 замков, 3 насыпки железных, совок, 12 гирь к часам, брезент, 2 палицы, счеты маленькие.

В десятом разделе описи — живой инвентарь, указаны две лошади и теленок.

В одиннадцатом разделе описи указано сено и овсяная солома.

В этот же период функционировал детский дом и в селе Шипово Шиповской волости Ефремовского уезда. В Детской Коммуне № 2 было 30 воспитанников, все мальчики: 18 человек возрастом от 12 до 15 лет и 12 человек возрастом от 15 до 17 лет. Персонал детского дома состоял из 3-х педагогических и 3-х технических работников: завхоза, кухарки, прачки. В каком здании или зданиях села располагались воспитанники детского дома в исследуемых документах не указано. Но они могли располагаться и в нескольких частных домах. Это известно по детским домам в других селениях. Топливом учреждение не снабжалось. Для детского дома было выделено 16 десятин земли, из которых 9 десятин обрабатывались собственными силами.

Бедственное положение было и в описываемой Детской Коммуне. Не хватало для воспитанников детского дома 13 головных уборов, 22 пальто, 15 пар обуви. Отсутствовало и белье: 68 рубашек, 59 штанов, 22 нижние рубашки, по 73 штукам кальсон и чулок. Также был недостаток постельного белья: 2 одеяла, 42 простыни, 31 наволочки. Был и недостаток в 65 полотенцах. Эти цифры соответствуют трехкомплектной норме обеспечения.

При закрытии детского дома в селе Шипово также составлялась «Опись инвентаря и построек Детской Коммуны № 2 при с. Шипово Шиповской волости на 1 января 1922 года». В описи указано 38 наименований с количеством 310 предметов: садовый инвентарь, мебель, посуда и др. Но в документе не указаны постройки, причина не известна.

Из изученных архивных документов впервые выяснилось о существовании детского дома на базе бывшего имения Лермонтовых в д. Кропотово и впервые встречается опись построек и инвентаря имения после событий 1917 года, на 1 января 1922 года. Также впервые узнали о существовании детского дома в селе Шипово. Приведенные факты будут полезны для лермонтоведов и краеведов.

В публикации использованы материалы Государственного архива Тульской области.

Владимир Чисников
(г. Бровары Киевской обл., Украина)

**«ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО НИКТО
НЕ ЗАПРЕТИТ. СТЫДНО!» ИЛИ КАК
КИЕВСКАЯ ПОЛИЦИЯ «ЧЕСТВОВАЛА»
ПАМЯТЬ ПИСАТЕЛЯ**

(К 110-летию памяти Л. Н. Толстого)

Доктор юридических наук (2018), полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины. Автор, соавтор, составитель и редактор более 900 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более сорока лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (СПб), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва), «Толстовский сборник», «Тульский краеведческий альманах»; «Приокские зори» (Тула) и др.

7(20) ноября 1910 года, в 6 часов 05 минут на захолустной станции Астапово, Рязано-Уральской железной дороги, в скромном домике начальника станции от воспаления легких скончался всемирно известный писатель и мыслитель, почетный член Киевского университета Св. Владимира Лев Николаевич Толстой.

Следует сказать, что к возможной смерти писателя Министерство внутренних дел и Департамент полиции, в частности, начали готовиться заранее. 5 ноября 1910 г. губернаторам была направлена телеграмма за подписью товарища министра внутренних дел и начальника Корпуса жандармов генерал-лейтенанта П. Г. Курлова, в которой предписывалось в случае смерти Толстого не оказывать противодействия служению панихид. В то же время за устроителями и присутствующими надлежало «учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускать никаких выступлений противоправительственного характера» [1, с. 194—195].

В тот же день киевский полицмейстер фон Ланг подписал секретный приказ, который предусматривал комплекс мероприятий, направленных на предупреждение могущих быть в городе демонстраций и беспорядков в случае смерти Л.Н. Толстого.

После получения известия о смерти Льва Толстого события в Киеве, согласно рапорта полицмейстера, развивались следующим образом:

«...7-го н о я б р я:

В 10 ½ час. утра на улицах разносчики газет начали продавать выпущенные телеграммы о смерти писателя графа Л. Н. Толстого, а в 11 ½ час. утра группы студентов и курсисток стали ходить взад и вперед по Владимирской улице, возле здания университета; в 3 ½ часа дня со стороны Владимирской и Караваевской улиц появились курсистки, числом до 200 душ и, идя по 2—3 вместе, направились к зданию высших женских курсов, но нарядом полиции в помещение курсов они допущены не были, а рассеяны в разные стороны» [Там же, л. 28].

На следующий день Совет университета Св. Владимира на своем экстренном совещании обсудил вопрос о чествовании памяти Л. Н. Толстого и единогласно принял решение: установить в актовом зале университета бюст писателя; учредить премию

его имени за лучшее сочинение по русской литературе и устроить публичное торжественное заседание в актовом зале университета [3, л. 8.].

«...8-го н о я б р я:

а/ По получении телеграммы о смерти графа Толстого, Совет профессоров университета св. Владимира, приступив к обсуждению программы чествования памяти Толстого, как бывшего почетного члена университета, отменил в этот день чтение лекций, почему все аудитории были закрыты и доступ студентов в университет был допущен только в нижний коридор. В здании университета, по просьбе учебного начальства, возле каждой аудитории и у университетской церкви были расставлены наряды войск и полиции для охраны от насильственного вторжения студентов. Студентов собралось в университетском коридоре до 2.000 человек и они обсуждали вопрос о чествовании памяти писателя, причем, одни решили избрать делегата к ректору университета для выяснения вопроса чествования, другие же предлагали решить это самостоятельно, а именно: пропеть "вечную память", спокойно разойтись и объявить трехдневную забастовку по случаю смерти Толстого. На этой почве между студентами тех и других направлений происходили прения. Затем начали петь "вечную память"; после того, в виду переполнения коридора, студенты начали уходить из университета. Когда уходили, то произносили оскорбительные выражения по адресу полиции и войск. Выходившие из университета студенты останавливались на крыльце университета и образовывали толпу, почему чинами полиции им было несколько раз предложено разойтись, но они этого не исполняли, объясняя, что не уйдут до тех пор, пока им не будет объявлена выработанная профессорами программа чествования. Помощник проректора, по распоряжению ректора университета, вышел к студентам и объяснил, что программа им не будет объявлена и чтобы они не ожидали и расходились.

После этого чинами полиции было категорически предложено студентам требование расходиться, и когда студенты в ответ начали петь "вечную память", то были рассеяны натиском пешего и конного наряда. Студенты направились в разные стороны, а некоторая их часть на Владимирскую улицу, где почти остановились на скрещении Владимирской и Фундуклеевской улиц, так как здесь в то время какому-то раненому из толпы /в руку/ врачом "скорой помощи" делалась перевязка и это обстоятельство привлекло внимание шедших от университета студентов. Для рассеяния все увеличивавшейся толпы в помощь наряду полиции была вызвана часть артиллеристов, дежуривших во дворе городской полиции. Толпа, теснимая войсками и полицией, стала отступать на тротуары и расходиться. Здесь были ушиблены /легко/ одна курсистка и три студента. В 3 часа дня на Фундуклеевской улице, со стороны Владимирского собора, появилась новая толпа, преимущественно из студентов и курсисток. Нарядом толпа была задержана на Фундуклеевской улице, против Театральной. Задние ряды толпы, прижатые конными войсками и городскими, выломали напором окна в некоторых магазинах на Фундуклеевской улице.

К 4 часам дня все были рассеяны и на улицах восстановлен порядок. Из толпы, по распоряжению охранного отделения, были арестованы на Владимирской улице: сын действ(ительного) ст(атского) сов(етника) Николай Александрович Р е й н б о т и акушерка Елизавета Яковлевна М и н д л и н, которые были задержаны при Старокиевском участке и затем освобождены: первый — в день ареста, а Миндлин — 9 ноября.

б/ В Политехническом институте с 9 часов утра стали собираться большими группами студенты-политехники и к 11 часам их собралось более тысячи человек, после чего в большой физической аудитории открылась, с разрешения директора, сходка, посвященная памяти Толстого. На сходке несколько раз пели "вечную память" и были вынесены резолюции; между прочим обсуждался вопрос об устройстве гражданской панихиды возле университета, но мнения расходились и к определенно-

му заключению не пришли. Сходка окончилась в 5 часов вечера и студенты разошлись из института, не нарушая порядка на улицах; никаких инцидентов и столкновений с полицией, охраняемой институт, не было.

в/ В Коммерческом институте с 10 часов утра пришедшие в институт студенты к обычным занятиям не приступили, а расхаживали по коридорам и аудиториям. Затем стали обсуждать вопрос о посылке от института делегатов в Ясную Поляну на похороны Л. Н. Толстого. Многие студенты, побывав в институте, уходили и возвращались обратно, так что с утра до 2 часов дня перебивало в институте до 700 человек. В 2 часа дня из дверей черного хода института стали выходить во двор студенты с обнаженными головами и пением "вечной памяти", группироваться недалеко от дворового ретирада, но нарядом полиции пение было прекращено и певшие удалены со двора.

з/ В помещении высших женских курсов, на Фундуклеевской улице, к 10 часам утра стали собираться курсистки; собравшись в числе до 400 душ, курсистки в 10½ часов пропели в коридорах "вечную память", а по выходе из здания — пели так же у ворот. Затем направились по Фундуклеевской улице, где на углу Владимирской, были рассеяны конно-артиллерийским разъездом и полицией.

д/ В 12 часов дня в помещении технических курсов Перминова собралось до 300 слушателей, которые устроили сходку и решили прекратить занятия во всех аудиториях в течение трех дней: 8, 9 и 10 ноября. После этого, не приступая к занятиям, слушатели разошлись спокойно» [2 л.58—59].

На следующий день, согласно того же рапорта киевского полицмейстера, события, связанные со смертью Льва Толстого, приобрели в Киеве «...более угрожающий характер общественному порядку и государственной безопасности».

«...9-го ноября:

а/ Ввиду закрытия университета нарядом полиции доступ студентов на площадь перед зданием университета был прекращен с утра. К 11 часам утра студенты университета и других учебных заведений стали собираться на прилегающих к университету улицах, преимущественно на Владимирской, Фундуклеевской и других соседних улицах, а к 12 час. на площади перед зданием городского театра и выше по Владимирской улице, до Прорезной, было много учащейся молодежи, ходившей по тротуарам взад и вперед. Эта публика все время делала попытки сгруппироваться, но была каждый раз рассеиваема и разгоняема в разные стороны находившимися на улице конными разъездами казаков и городовых и нарядами полиции. В нескольких местах ходившая публика пыталась сгруппироваться и петь "вечную память", но не была к этому допускаема.

Такое положение продолжалось с утра до 3 часов по полудни, когда со стороны Политехнического института подошли студенты, бывшие в институте на разрешенной сходке, которые, смешавшись с толпой на тротуаре на Фундуклеевской улице, против городского театра, начали петь "вечную память". Полиция и казаки рассеивали собравшихся на тротуаре, но часть из них, состоявшая из студентов университета, политехников, коммерсантов и слушательниц высших женских курсов, упорно продолжала пение, почему все эти упорствующие, в числе 107 человек, были задержаны и отправлены в Старокиевский участок. Лица эти настолько упорствовали, что, будучи уже арестованными и следуя под конвоем в участок, они продолжали петь на улице "вечную память". В числе этих задержанных были и такие, которые при требовании чинов полиции прекратить пение и расходиться бросали камнями в чинов полиции, причем, нанесли удары околоточному надзирателю Москаленко и стражникам Филиппенко и Пушкаруку. Таким упорством они действовали на толпу, которая в нескольких местах после того пыталась запеть "вечную память". Кто именно бросал камнями в стражников, выяснить не представилось возможным, но только установлено, что в надзирателя Москаленко бросил камнем и

нанес ему удар студент Политехнического института Ивашин, который был задержан там же на месте.

б/ В Политехническом институте состоялась уже вторая сходка студентов, которых собралось более тысячи человек, при чем на сходке пели "вечную память", а в аудитории были вывешены белые и черные флаги, имевшие значение траура; обсуждался порядок чествования памяти Толстого. На сходке было решено выйти из института, толпой пройти по улицам с пением "вечной памяти" и устроить в городе гражданскую панихиду, но присутствие усиленного наряда полиции и казаков помешало этому и около 2-х часов дня студенты стали разъезжаться в город в вагонах трамвая, а часть отправилась пешком. Большинство из них, как потом оказалось, направились к городскому театру, вследствие чего и явился инцидент, описанный выше в 3-м пункте лит. А.

в/ Коммерческий институт. Входы в институт и аудитории были закрыты и администрацией института вывешены объявления о закрытии института на 9 и 10 ноября. Для предупреждения беспорядков возле института был поставлен наряд полиции. После 3 часов дня с Фундуклеевской улицы к институту направлялись неоднократно студенты Политехнического и Коммерческого институтов с обнаженными головами и пением, но бывшим здесь нарядом полиции и казаками они были рассеяны и в институт не допущены, причем в этом месте бывший в наряде олопочный надзиратель Лыбедского участка Пономарский, будучи окружен толпою, вынужден был обнажить шапку, но никому ранений не причинил.

г/ В женском медицинском институте слушательницы института, в числе около тридцати, пытались пропеть "вечную память", но по первому требованию находившихся в наряде городских немедленно и без протеста разошлись.

д/ В Южно-Русском машиностроительном заводе на работы явилось 517 человек. До полудня работа шла как всегда, а в 12 часов рабочие, отправляясь на обед, во дворе завода пели "вечную память", после чего в порядке разошлись по домам, а после обеда явилось на работу только 262 человека...

При рассеянии толпы на улицах в течение 9 ноября нарядами войска и полиции, пострадали следующие лица : в 12 час, 50 мин. дня против дома № 22 по Фундуклеевской улице, акушерка Гзель Гермин, 27 лет, живущая по Большой Житомирской улице, в доме № 27, была сбита с ног лошадью и получила ушибленную рану левой брови. Медицинская помощь ей оказана на месте "скорой помощью".

В 3 ½ часа дня, возле городского театра, конный стражник Тарас Филиппенко, 30 лет, получил ушибы груди и двух пальцев левой руки.

В 3 часа 5 мин. дня против дома № 23 по Фундуклеевской улице казак I-го Уральского казачьего полка Николай Чертоголов упал с лошади и при падении получил перелом голени правой ноги. Чертоголов на извозчике был отправлен на станцию "скорой помощи", а оттуда — в военный госпиталь.

В 3 часа 35 мин. дня, против городского театра, студент Политехнического института Даниил Приволок, 20 лет, живущий на Львовской улице в доме № 31, ударом нагайки получил ушибленную рану головы.

В 4 1/2 часа против дома № 17 по Фундуклеевской улице крестьянин Михаил Макковский, 42 лет, /по виду — черноработчий/ получил ссадину пальца правой ноги, — отдала лошадь.

На углу Бибиковского бульвара и Владимирской улицы городской конной стражи Арсений Горохольский, 27 лет, рассеивая толпу, упал с лошади на мостовую и получил вывих ступни правой ноги. Горохольскому оказана помощь фельдшером Старокиевского участка.

В остальных случаях пострадавшим было оказано пособие на станции "скорая помощь". Тяжело пострадавших, за исключением казака Чертогорова, как с той, так и с другой стороны, — не было [Там же, л.л. 59 —60 об., 62].

В 19 часов этого же дня под председательством Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова состоялось заседание комиссии, созданной с целью предотвращения беспорядков, возникших по случаю смерти Л. Н. Толстого. В состав комиссии вошли: 1) помощник командующего войсками киевского округа, генерал от инфантерии барон А. Е. Зальц, 2) и. д. Киевского губернатора А. Ф. Гиреч, 3) начальник штаба округа генерал-лейтенант М. В. Алексеев, 4) управляющий канцелярией генерал-губернатора Б. А. Булгаков, 5) начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор К. Х. Леонтьев, 6) делопроизводитель 3-го отделения канцелярии генерал-губернатора П. И. Забутин, 7) его помощник по г. Киеву подполковник А. Л. Иванов, 8) прокурор Киевской судебной палаты, действительный статский советник Д. С. Кукуранов, 9) начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко, 10) и. о. Киевского полицмейстера Бердичевский полицмейстер титулярный советник И. К. Машир.

После заслушивания докладов Машира, Кулябко и Гиреча комиссия единогласно постановила: 1) немедленно освободить арестованных, за исключением двух бросавших камнями, разъяснив им, что в случае повторного задержания они будут подвергнуты предусмотренному законом наказанию; 2) данное постановление сообщить директору Политехнического института и поручить ему взять со студентов-политехов обещание не принимать участия в каких-либо уличных беспорядках и 3) признать необходимым для прекращения беспорядков назначить следующие наряды: два эскадрона 2-й конно-горной артиллерийской дивизии в Бульварный и Лыбедской участки и четыре сотни казаков в резерв в казармы Уральского полка, четыре дежурные роты, распределенные на прежних местах, и пятая рота в доме против здания Политехнического института на Шулявке [Там же, л. 22—23 об.].

В тот же день начальником штаба Киевского военного округа Алексеевым был подписан приказ, согласно которому «для содействия полиции по прекращению беспорядков, ожидаемых 10 ноября», гражданским властям выделялись необходимые воинские части. При этом предписывалось «выдать на руки казакам и нижним чинам установленное количество боевых патронов», а при требовании рассеивания толпы они должны «действовать энергично, предупреждая толпу сигналами на барабане, горне и трубе и рассеивая ее напором коней, двигаясь рысью» [1, с. 199].

В эти дни в условиях повышенной готовности работали сотрудники киевского охранного отделения. 9 ноября начальник киевской «охранки» подполковник Н. Н. Кулябко направил начальнику киевского отделения Киевского жандармского полицейского управления железных дорог совершенно секретное сообщение, в котором указывалось:

«...От агентуры получены сведения, что среди железнодорожных служащих идут оживленные разговоры о Льве Николаевиче ТОЛСТОМ и высказывается желание, в случае смерти его, прекратить в этот день все работы. Особенно много трактуют об этом мастера: РАДЗИЕВСКИЙ, ДОНЦОВ, СЕМИТУЛЬНИКОВ, Николай МОРОЗОВ, ПИНЬХАТЬКО и Сергей СЕРДЮК» [4, л. 3].

Однако опасения киевских властей о том, что 10 ноября станет днем еще большего неповиновения полиции и войскам со стороны бастующих студентов, не оправдалось. В рапорте киевского полицмейстера от 13 ноября сообщалось, что «толстовские дни» 10, 11 и 12 ноября прошли без особых противостояний студентов и полиции.

Заметим, что 10 ноября на имя киевского градоначальника поступила почтовая карточка, на которой печатными буквами было написано: «ЕСЛИ НЕ ПРЕКРАТИТЕ НАСИЛИЯ И ЕЗДУ КАЗАКОВ ПО ТРОТУАРАМ, ТО ЗАВТРА БУДЕТЕ УБИТЫ. ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО НИКТО НЕ ЗАПРЕТИТ. СТЫДНО! И. К. П. А. К. К.» [Там же, л. 27].

Министерство внутренних дел с удвоенной зоркостью следило за событиями, происходящими в Москве, Петербурге, Киеве и других крупных городах. 13 ноября

губернаторам и градоначальникам была направлена шифрованная депеша, в которой предписывалось «принять к неуклонному исполнению нижеследующие указания: 1) предупредить начальство учебных заведений о недопустимости разрешения всяких сходок; 2) всякие уличные демонстрации должны быть немедленно подавлены; 3) предупредить редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих уличные демонстрации, недопустимы; 4) не разрешать до прекращения беспорядков никаких собраний, на которых «можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений» [1, с. 199].

Следуя министерскому предписанию, киевский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов направил и.о. киевского губернатора А. Ф. Гиречу секретное письмо, в котором сообщал, что 13 ноября в Купеческом зале под председательством профессора Киевского университета Волкова должно состояться собрание, посвященное памяти выдающегося русского хирурга Н. И. Пирогова. Однако он опасается, что участники собрания, находясь под впечатлением последних событий, связанных со смертью Л. Н. Толстого, могут обратить этот форум в манифестацию, и поэтому просит распорядиться о том, «чтобы предположенное чествование памяти Н. И. Пирогова было отложено впредь до наступления в г. Киеве полного спокойствия». Получив письмо генерал-губернатора, Гиреч наложил на нем резолюцию: «Собрание надо перенести», что и было сделано. [2, л. 44 — об.].

Несмотря на то, что занятия в учебных заведениях г. Киева возобновились, киевская «охранка» продолжала оперативное отслеживание ситуации в студенческой и либерально настроенной профессорской среде. 17 ноября начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко направил и.о. губернатору А. Ф. Гиречу совершенно секретное сообщение, в котором указывал, что, по имеющимся в отделении негласным сведениям, среди учащихся высших учебных заведений продолжается усиленная агитация о чествовании памяти графа Л. Н. Толстого. Одним из главных их решений является протест против смертной казни, который должен выразиться в форме устройства демонстрации. Эту демонстрацию предполагают устроить на девятый день смерти писателя. Для выработки общего плана действий из представителей высших учебных заведений создан «Коалиционный Совет», который был арестован в полном составе во время первого заседания. «Таким образом,— делал вывод руководитель киевской охранки,— намеченный Советом план демонстрации не мог быть своевременно известен учебным заведениям и таковые остались без главных своих руководителей, что вызвало среди них страшный переполох и растерянность».

В заключение Кулябко сообщал, что «в настоящее время, в виду постигшей неудачи в девятый день, решено перенести все активные выступления на 40-й день, приложив при этом все усилия, чтобы привлечь к демонстрации возможно большее число рабочих и киевской интеллигенции». [Там же, л. 32].

22 ноября главный киевский охранник Кулябко направил генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову совершенно секретный доклад, в котором отмечал, что «смерть графа Л. Н. Толстого вызвала огромное оживление в киевских либеральных и революционных кругах. Вопреки их ожиданиям, настроение учащейся молодежи вылилось в очень резких и на редкость солидарных, под руководством так называемого «Коалиционного Комитета», действиях».

Далее Кулябко констатировал, что во время «толстовских дней» все советы профессоров высших учебных заведений Киева пошли навстречу правительственным властям и, по возможности, содействовали недопущению беспорядков. И только Политехнический институт «стал против этого, допуская в своих стенах делать беспрепятственно беспорядки своим студентам».

«Но это все в прошлом,— писал жандармский подполковник.— Теперь, к счастью, беспорядки, связанные с толстовскими днями окончились и страсти начали

успокаиваться». Тем не менее, продолжал Кулябко, совет профессоров Политехнического института во главе с его директором К. В. Дементьевым обратился к руководителям всех высших учебных заведений Киева с новым предложением: принять участие в чествовании памяти умершего писателя Л. Н. Толстого, организуемом ими на базе Политехнического института. Данное предложение уже поддержали два частных учебных заведения: Медицинский женский институт в лице профессора С. П. Томашевского и Коммерческий институт в лице профессора М. В. Довнар-Запольского. Шеф киевской охранки опасался, что к ним могут присоединиться и другие руководители учебных заведений города. Поэтому Кулябко не сомневался, что «если будет разрешено соединенное чествование памяти Толстого, то это послужит вновь сигналом к беспорядкам». С целью их недопущения он предлагал генерал-губернатору запретить «совместное чествование памяти писателя Толстого».

Прочитав доклад Кулябко, Трепов наложил на нем резолюцию: «Пригласить ко мне г. Дементьева между 10 —12 час. дня 12 ноября 1910 г.». [Там же, л. 34].

Следует предположить, что «беседа» генерал-губернатора со строптивым профессором-либералом имела положительный для киевских властей результат, т. к. в дальнейшей полицейской переписке сведений о проведении совместного мероприятия по чествованию памяти Л. Н. Толстого не имеется.

(Печатается с сокращениями)

Источники:

1. Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие. М.— Л.: Госиздат, 1930.
2. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). Ф. 442. Оп. 858. Д. 304.
3. Государственный архив г. Киева Ф.16. Оп. 350. Д. 93.
4. ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2049.

МЕДИКИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА

Лермонтов и медики — как много мы знаем о поэте и как мало обращаем внимание на людей, окружавших гения, в том числе и на медиков. Врачи, фельдшера — кто они? О ком-то известно больше, о ком-то — меньше, кто-то промелькнул незаметным штришком в жизни поэта, кто-то оставил заметный след, кто-то стал прототипом в произведениях поэта.

Итак...

АРЕНДТ Николай Федорович

Родился 23.04(04.05).1786 в Казани — умер 02(14).10.1859 в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

Тайный советник (1849), доктор медицины и хирургии, лейб-медик (1829). Сын штаб-лекаря Федора Ивановича Арендта (1755—1797), происходившего из семьи немецкого ремесленника.

Получил первоначальное домашнее образование. В феврале 1801 года поступил в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии, по закрытии которой, в сентябре 1804 года, переведен в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (окончил с отличием в августе 1805 года кандидатом хирургии 1-го отделения, с награждением серебряным карманным набором хирургических инструментов — награда эта соответствовала учрежденной позднее золотой медали). Был причислен к Санкт-Петербургскому генеральному госпиталю. В апреле 1806 года определен лекарем в Навагинский пехотный полк, в рядах которого принял участие в войне с Францией (1806—1807), а затем в Русско-шведской войне (1808—1809). Ряд кровопролитных сражений, в которых в качестве врача участвовал Арендт, доставил ему обширную хирургическую практику, благодаря которой он стал искусным хирургом.

В декабре 1809 года получил от императора Александра I бриллиантовый перстень. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии (1813—1814) в качестве врача он участвовал во многих сражениях и был утвержден лекарем 1-го класса, дивизионным врачом 13-й пехотной дивизии, затем — исполняющий дела штаб-доктора 1-го пехотного корпуса. После взятия союзными войсками Парижа (март 1814 года), он пробыл в нем до марта 1815 года в должности главного врача оставшихся во Франции русских войск. Возвратившись в Россию, назначен дивизионным врачом 12-й дивизии и состоял в этой должности до сентября 1819 года, когда был переведен из армии в гвардию и назначен исполняющим делами старшего доктора гвардейской кавалерии; с января 1820 года по март 1826 года — в качестве главного доктора управлял Санкт-Петербургским артиллерийским госпиталем.

В октябре 1821 года «за усердную и долговременную службу, равно как и за совершенное его познание медицины и хирургии, доказанное многократным производством всех операций» Высочайше утвержден, без экзамена, в звании «доктора медицины и хирургии». В декабре 1821 года назначен членом Медицинского совета при Министерстве духовных дел. Смело брался за самые сложные хирургические операции. Слава о нем, как о хирурге-виртуозе распространилась далеко за пределами России. В 1824—1848 годах состоял членом Санкт-Петербургского Английского собрания. В марте 1827 года определен главным доктором заведений Санкт-Петербургского приказа общественного призрения.

В январе 1829 года император Николай I тяжело заболел, и его быстро вылечил Арендт, за что в апреле того же года он был назначен лейб-медиком. С этого времени в течение десяти лет Арендт неотлучно находился при императоре, сопровождая его во всех поездках по России и за границей. В 1829—1836 годах присутствовал на Медицинском совете. В июле 1831 года причислен к Главному штабу, в 1844 году назначен помощником медицинского инспектора, в январе 1847 году — медицинским инспектором ведомства императрицы Марии. В 1839 году получил чин действительного статского советника, в 1849 году — тайного советника. За службу удостоен ряда высших российских орденов до ордена Белого орла включительно (1855).

По отзывам современников, Арендт пользовался огромной популярностью и имел обширную практику: он работал с утра до вечера, «проводя почти целый год в коляске». Арендт был приглашаем всюду. «От него надеялись спасения еще тогда, когда все медики произносили неумолимый приговор. Его практика все более увеличивалась многочисленными бедняками, которые знали, что Арендт, приезжая в недостаточное семейство, готов сам доставить больному средства для получения лекарства по прописанному ими рецепту. Когда годы и нездоровье не позволяли Арендту посещать больных, его приемная была полна людьми, надеявшимися лишь у него найти спасение».

По словам князя В. П. Мещерского, Арендт: «...прекрасный врач и еще более прекрасный человек... Его прозвали Ангелом больных. Этот старик, белый как лунь, не знал отказа больным, и не знал различия между бедными и богатыми, между знатным и последним смертным. Это была легендарная личность. До конца жизни он давал право каждому будить его ночью, и куда бы то ни было ехать. Я помню, как у нас в доме он произвел на нас сильное впечатление, рассказав, как в эту ночь он был обеспокоен: усталый, он вечером брал ванну, но только что вошел в ванну и собрался потом выспаться, как пришли ему сказать про больного на Васильевском острове; пришлось вылезать из ванны, одеться и скакать к больному в 20 градусов мороза...».

В январе 1837 Арендт руководил лечением раненого на дуэли А. С. Пушкина, и был в последние дни поэта посредником между ним и императором Николаем I.

Женат дважды: на Марии Яковлевне N (умерла в 1848 году); на Генриетте Ричардовне Шиллингворт. От второго брака имел детей: Николая Николаевича (1850—?), Федора Николаевича (1852—?), Владимира Николаевича (1855—?), Марию Николаевну (1853—?).

Литературных работ он после себя не оставил. Обзор его главнейших операций сделан Никитиным в «Северной Пчеле», 1851 год, № 139.

Арендт лечил Лермонтова в 1832 году, приходя к нему раз в неделю, когда того в манеже Школы юнкеров лошадь ударила в правую ногу, расшибив ее до кости. Лермонтов лежал в лазарете, а затем в доме своей бабушки.

В конце января 1837 года Арендт дважды был у заболевшего («слег в простуде») Лермонтова — ничего опасного не нашел, велел пить чай с малиной и не выходить из дому до его разрешения, рассказал ему подробности дуэли и смерти Пушкина.

Из воспоминаний Владимира Петровича Бурнашева (1809—1888) — литератор, мемуарист, автор статей по сельскому хозяйству.

«...С старушкой нашей Лермонтов, конечно, не спорил, а только кусал ногти и уезжал со двора на целые сутки. Бабушка заметила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при нем о светских толках; а эти толки подействовали на Лермонтова до того сильно, что недавно он занемог даже. Бабушка испугалась, доктор признал расстройство нервов и прописал усиленную дозу валерьяны: заехал друг всего Петербурга добрейший Николай Федорович Арендт и, не прописывая никаких лекарств, вполне успокоил нашего капризного больного своею беседою, рассказав ему всю печальную эпопею тех двух с половиною суток с двадцать

седьмого по двадцать девятое января, в которые пострадал раненый Пушкин. Он все, все, все, что только происходило в эти дни, час в час, минуту в минуту, рассказал нам, передав самые заветные слова Пушкина. Наш друг еще больше возлюбил своего кумира после этого откровенного сообщения, обильно и без искусственно вылившееся из доброй души Николая Федоровича, не умевшего сдержать своих слов...».

АРМФЕЛД Александр Осипович

Родился 18.02(02.03).1806 в Москве — умер 12(24).03.1868 (по другим данным 15.10.1877) в Москве, похоронен на 13 участке Ваганьковского кладбища в Москве (могила утрачена). Русский ученый-медик, ординарный профессор Московского университета, доктор медицины, действительный статский советник. Из семьи служащего таможи. Воспитывался дома, с 1818 года — в Дерптской гимназии. После получения среднего образования, в 1821 году поступил в Дерптский университет, но с марта 1823 года учился на отделении (факультете) врачебных или медицинских наук Московского университета. По окончании курса 11 сентября 1826 году со степенью лекаря 1-го отделения с отличием поступил с 12 октября на службу в Хирургический институт при Московском университете.

В 1826—1834 годах занимался практической медициной: состоял помощником директора Хирургического института и ординатором (с 1830) при университетской больнице. В 1833 году А. О. Армфельд защитил диссертацию «*О расширении или аневризме сердца*» и получил степень доктора медицины. В 1834 году отправился для усовершенствования на три года за границу и по возвращении, в 1837 году, вступил в должность ординарного профессора кафедры судебной медицины. С 1839 года до конца жизни Армфельд состоял инспектором классов Сиротского института Московского воспитательного дома.

Кроме небольших статей, появившихся в разных периодических изданиях, зачастую без его подписи, ему принадлежат следующие труды: «*De dilatatione cordis. Dissertatio inauguralis*» (Москва, 1833); «*De finibus certorum et probabilium in responsis medicorum forensium*» (1848).

С 31.07.1853 — действительный статский советник; с 1859 года — заслуженный профессор Московского университета. Лекции А. О. Армфельда отличались высоким литературным стилем, изящным изложением предмета. Он одним из первых подал голос за допущение женщин к обучению в университете. Преподавал А. О. Армфельд до 1862 года. С 1863 года — в отставке.

А. О. Армфельд был постоянным посетителем литературного салона А. П. Елагинной, где встречались выдающиеся представители русской интеллигенции: Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Огарев, Герцен, Пирогов и многие другие. В доме Армфельда часто бывали Гоголь, Лермонтов, Щепкин и др. А сам А. О. Армфельд находился в течение многих лет под негласным надзором полиции.

9.05.1839 на обеде у М. П. Погодина в день именин Н. В. Гоголя среди приглашенных были М. Ю. Лермонтов и А. О. Армфельд. Лермонтов после обеда читал наизусть Гоголю и другим отрывок из новой своей поэмы «Мцыри».

Жена (с 1841) — Анна Васильевна Дмитриевская (1821—07.02.1888). У Армфельда было девять детей (пятеро сыновей и четыре дочери), но только четверо дожили до зрелых лет.

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ Иван (Иоганн) Егорович

Родился в 1811 году — умер в 1879 году.

Внучатый племянник генерал-фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли.

Обучался медицине в Московском и Дерптском университетах. Служил лекарем

в Минском пехотном, Ставропольском егерском и в 135-м пехотном Керчь-Таманском полках, ординатором в Пятигорском и Одесском военных госпиталях.

Барклай-де-Толли являлся лечащим (курсовым) врачом Лермонтова во время лечения поэта серными источниками в Пятигорске в 1841 году. 15.06.1841 подписал медицинское свидетельство, благодаря которому Лермонтов получил возможность продолжать лечение в Пятигорске.

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля. Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось Барклаем-де-Толли в день похорон; на основании наружного описания раны удостоверилось, что поэт «мгновенно на месте поединка помер», что подвергают сомнению некоторые советские медики.

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличие в боях произведен в 1840 году в прапорщики:

«...Устроившись немного, я начал приискывать себе доктора, чтобы, посоветовавшись с ним, начать пить какие-нибудь воды. По рекомендации моего товарища вскоре явился ко мне молодой человек, доктор, по имени Барклай-де-Толли. Я тогда сказал моему эскулапу: «Ежели вы такой же искусник воскрешать человечество, каким был ваш однофамилец — уничтожить, то я поздравляю вас и наперед твердо уверен, что вылечусь». К сожалению, мой доктор себя не оправдал впоследствии, и вероятно, не поняв моей болезни, как бы оцупью, беспрестанно заставлял меня пробовать разные воды. Наконец опыты эти мне надоели, и я с ним простился...».

23 мая 1841 года Лермонтов самовольно прибыл в Пятигорск и добился разрешения задержаться для лечения на минеральных водах...

Из воспоминаний Павла Андреевича Висковатова (1842—1905) — русского историка литературы, биографа Лермонтова:

«...Тотчас по приезде Лермонтов стал изыскивать средства получить разрешение остаться в Пятигорске. Он обратился к услужливому и «на все руки ловкому» Найтаки, и тот привел к нему писаря из Пятигорского комендантского управления Карпова, который заведовал полицейскою частью и списками вновь прибывающих в Пятигорск путешественников и больных. Он составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенко распорядился об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при Пятигорском госпитале. «Я уже раньше, — рассказывал нам г. Карпов, — обделал дельце с главным нашим лекарем, титулярным советником Барклай-де-Толли». Лермонтов и Столыпин были признаны больными и подлежащими лечению минеральными ваннами».

Лермонтов представил справку о необходимости лечиться именно минеральными водами в Пятигорске:

«Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев, сын Лермонтов, одержим золотухой и цынготным худосочием, сопровождаемых припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными водами, принял более двадцати горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными ваннами в течение целого лета 1841 года: остановленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья.

В удостоверение чего подписью и приложением герба моей печати свидетельствую, гор. Пятигорск, июня 15-го 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор, лекарь, титулярный советник Барклай-де-Толли».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна — умер в 1889 году) — знакомый Лермонтова, офицер, прикомандированный в 1837 году к Навагинскому пехотному полку для участия в экспедиции против горцев. После ее экспедиции назначен в Тенгинский пехотный полк. Летом 1841 года жил в Пятигорске, занимая комнату во флигеле дома Верзилиных:

«...Когда тело привезли, мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой стол и накрыли его скатертью. Когда пришли обмывать тело, сюртук невозможно было снять, руки совсем заоченели. Правая рука, как держала пистолет, так и осталась. Нужно было сюртук на спине распороть, и тут мы все видели, что навывлет пуля проскочила...».

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля:

«Тенгинского пехотного полка поручик М. Ю. Лермонтов застрелен на поле близ горы Машук 15 числа сего месяца и, по освидетельствовании им, тело может быть предано земле по христианскому обряду».

Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось им в день похорон:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО № 35

Вследствие предписания конторы пятигорского военного госпиталя от 16 июля за № 504, основанного на отношении пятигорского окружного начальника господина полковника Ильяшенкова от того же числа с № 1352, свидетельствовал я в присутствии исследователей:

- а) пятигорского плац-майора г-на подполковника Унтилова;*
- б) пятигорского Земского суда заседателя Черепанова;*
- в) исправляющего должность пятигорского стряпчего Ольшанского 2-го и находящегося за депутата корпуса жандармов господина подполковника Кушинникова; тело убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова.*

При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мякоть части левого плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер. В удостоверение чего общим подписом и приложением герба моего печати свидетельствуем.

*Город Пятигорск, июля 17-го дня 1841 года.
Пятигорского военного госпиталя ординатор
Лекарь титулярный советник Барклай-де-Толли.
При освидетельствовании тела находились:
Плац-майор подполковник Унтилов.
Заседатель Черепанов.
Исполняющий должность окружного стряпчего
Ольшанский 2-й.
Корпуса жандармов подполковник Кушинников».*

На основании наружного описания раны удостоверялось, что поэт «мгновенно на месте поединка помер».

В рассматриваемое время при осмотре тела врачи руководствовались «Наставлением врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел», утвержденным Медицинским советом в 1829 году. Параграф 1-й «Наставления» поименованный «Важность вскрытия мертвых тел», гласит: «Осмотр мертвых тел и заключение по

оному о причине смерти есть одна из важнейших обязанностей судебного врача. На его мнении нередко основывается приговор, решающий честь, свободу и жизнь подсудимого». Согласно параграфу 24, осмотр мертвого тела делится на две части: осмотр наружный и внутренний, или анатомическое вскрытие тела.

Барклай-де-Толли ограничился лишь осмотром наружным, видимо, посчитав обстоятельства и причины смерти очевидными. В любом случае составленное им судебно-медицинское заключение о смерти М. Ю. Лермонтова далеко не в полной мере соответствует указанному «Наставлению».

ГАСОВСКИЙ, КУКУШКИН, УШАКОВ

Константин Андреевич Гасовский — штаб-лекарь в юнкерской школе.

Из воспоминаний Ивана Васильевича Анненкова (1814—1887), генерал-адъютанта (брат литератора П. В. Анненкова); учился в 1831 году в юнкерской школе, затем служил в Конной гвардии.

«...Для примера позволю себе сказать, что Бибилов, тот самый юнкер, хорошо приготовленный дома в науках, который ничему не учился в школе и вышел первым по выпуску, проиграл одному юнкеру десять тысяч рублей — сумму значительную по тому времени. Нужно заметить при этом, что распроигрался он так сильно не в самом эскадроне, а в школьном лазарете, который был в верхнем этаже и имел одну лестницу с эскадроном. Лазарет этот большей частью был пустой, а если и случались в нем больные, то свойство известной болезни не мешало собираться в нем юнкерам для ужинов и игры в карты. Доктор школы Гасовский известен был за хорошего медика, но был интересен и имел свои выгоды мирволить анкерам. Старший фельдшер школы Ушаков любил выпить, и юнкера, зная его слабость, жили с ним дружно. Младший фельдшер Кукушкин, который впоследствии сделался старшим, был замечательный плут. Расторопный, ловкий и хитрый, он отводил заднюю комнату лазарета для юнкеров, утраивал вечера с ужинами и карточной игрой, следил за тем, чтобы юнкера не попались, и надувал их сколько мог. Не раз юнкера давали ему потасовку, плачли за это деньгами и снова дружились. Понятно при этом, что юнкера избрали лазарет местом своих сборищ, где и велась крупная игра...».

В последних числах ноября 1832 года во время занятий в манеже Лермонтова одна из лошадей ударила копытом в правую ногу ниже колена.

Из книги Виктора Афанасьева «Лермонтов»:

«...Очнулся он в лазарете, на верхнем этаже школы. Первое, что он увидел, была бабушка, сидевшая у изголовья. Поодаль стоял дядька Андрей Соколов. Тут же были доктор Гасовский и младший фельдшер Кукушкин. Нога была забинтована, распухла и страшно болела, так, что невозможно было повернуться.

— Ну вот, Мишенька,— сказала Елизавета Алексеевна,— видно, не судьба тебе быть военным... Господин доктор говорит, что ушиб весьма серьезный.

— Авось обойдется! — весело сказал чернявый, с лукавыми глазами фельдшер.— Перелома нет. А парень крепкий, дай Бог всякому...».

ДРОЗДОВ Иван Ефимович

Родился в 1803 году — умер в 1868 году. Штаб-лекарь, ординатор Пятигорского военного госпиталя. Лермонтов с ним познакомился в Пятигорске.

Сын Ивана Ефимовича в своих воспоминаниях — «Записках кавказца» — упоминал о том, что в 1841 году Дроздов познакомился с Лермонтовым. Но поэт за медицинской помощью к нему не обращался, ограничиваясь шуточными жалобами на беспокоивший его прыщик.

Дроздов — автор нескольких книг о Кавказских Минеральных водах.

ДУБНИЦКИЙ А. Г.

Штаб-лекарь Кавалергардского полка.

После дуэли с Барантом, находясь на гауптвахте, 20 марта 1840 года в ходе следствия Лермонтов был освидетельствован полковым штаб-лекарем Кавалергардского полка А. Г. Дубницким в присутствии членов комиссии военного суда. В свидетельстве указывается, что никаких следов или рубцов от раны, полученной Лермонтовым на дуэли, «усмотрено не было».

ДЯДЬКОВСКИЙ Иустин Евдокимович

Родился 01(12).06.1784 в Дядково Рязанской губернии — умер 22.07.(03.08).1841 в Пятигорске. Профессор Московского университета; врач, клиницист, представитель естественнонаучного материализма. Сын деревенского дьячка, благодаря блестящим способностям и настойчивости сумел стать одним из образованнейших людей своего времени.

После окончания Рязанской духовной семинарии в 1809 году поступил в московское отделение Медико-хирургической академии. В 1812 году окончил курс лекарем I отделения с серебряной медалью и был оставлен при академии адъюнктом для подготовки к профессорскому званию. Во время Отечественной войны 1812 года находился во временном военном Головинском госпитале, затем был откомандирован в Рязань, в 1813 году — в Верею, на борьбу с эпидемией холеры, за успешное окончание которой был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

После возвращения в Москву Дядьковский защитил диссертацию (1816) «*Рассуждение о действии лекарства на человеческое тело*», получил степень доктора медицины. Адъюнкт (1817), экстраординарный профессор (1824), ординарный профессор (1830) кафедры патологии, терапии и терапевтической клиники Московской медико-хирургической академии.

В 1830—1831 годах — член Центральной комиссии по борьбе с холерой. В 1831 году назначен ординарным профессором по кафедре терапии Московского университета и директором терапевтической клиники. В это время он жил в одноэтажном особняке, во дворе дома № 19 по Брюсову переулку.

Приглашен (октябрь 1831) в Московский университет на должность ординарного профессора на кафедру патологии, терапии и терапевтической клиники, освободившуюся после смерти М. Я. Мудрова. Летом 1832 года к нему обратился заболевший на пути из Петербурга на Украину Н. В. Гоголь.

В 1836 году был вынужден уйти из университета, то ли по болезни, то ли в связи с обвинениями в материализме и подрыве религии. Два года провел на Кавказе, затем уехал за границу, затем вновь лечился на Кавказе.

Дядьковский детально разработал методику клинического обследования больного, расширил границы социально-бытового анамнеза; он одним из первых подчеркивал влияние внешней среды на организм человека. Он предложил классификацию болезней, в основу которой одним из первых положил состояние нервной системы, придавая ей большое значение в развитии патологических процессов. Считается, что его идеи о ведущей роли нервной системы в жизни организма повлияли на формирование научных взглядов И. М. Сеченова и С. П. Боткина. Дядьковский различал лечение «предохранительное», то есть профилактическое, и «восстановительное».

Одним из первых И. Е. Дядьковский предложил метод библиотерапии — исцеление посредством чтения специально подобранных книг, когда конкретному синдрому соответствует определенный текст художественной литературы.

При жизни И. Е. Дядьковский опубликовал всего 4 работы: докторскую диссертацию (1816), конспект лекций по частной терапии, трактат о холере (1831) и посо-

бие по общей терапии (1836). Посмертные издания: Сочинения. Вопросы общей патологии. — М., 1954; Избранные сочинения. — М., 1958.

Возможно, знал Лермонтова еще в годы пребывания в Московском университете; вероятной представляется их встреча в Пятигорске в 1837 году. Летом 1841 года Е. А. Арсеньева послала «гостинец внуку и письма с Дядьковским, специально едушим в Пятигорск, чтобы найти возможность уволить Лермонтова из армии по состоянию здоровья.

Письмо Н. Молчанова — В. В. Пассеку. Из Пятигорска, 27 июля 1841 года:

«Письмо мое, добрый и любезный Вадим Васильевич, встретит вас в Пятигорске, а я тем временем буду направляться в Москву. В последние дни пребывания моего здесь были весьма печальны: смерть Лермонтова, смерть нашего незабвенного Иустина Евдокимовича, все это было в последние дни.

О Лермонтове, о кончине его, вы узнаете здесь все точно. Бедный поэт! Проживи он далее, что было бы! Иустин Евдокимович привез ему от бабушки его гостинца и письма. Иустин Евдокимович сам пошел к нему и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Лермонтов пришел к нему в дом Христофоровых. В тот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница».

На другой день поутру Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных, жена Петра Семеныча велела звать его к себе на чай. Иустин Евдокимович отговаривался за болезнью, но вечером Лермонтов его увез и поздно вечером привез обратно. Опять восторг им: «Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая».

Через несколько дней Лермонтова убили, что Иустина Евдокимовича потрясло. Через шесть дней закрыл глаза здесь навсегда и наш незабвенный Иустин Евдокимович».

Дядьковский скоропостижно скончался при весьма странных обстоятельствах. Официальная экспертиза установила, что доктор медицины с европейским именем умер «от большой дозы принятых лекарств»! Похоронили Дядьковского на пятигорском кладбище, неподалеку от места первоначального погребения Лермонтова.

КОНРАДИ Федор Петрович

Родился в 1775 году — умер в 1848 году.

Главный врач Кавказских Минеральных Вод. Учился в лучших университетах Германии: Геттингенском, Иенском, Гальском. Получив в 1796 году звание доктора медицины, практиковал в различных городах земли Ганновер. В 1805 году приглашен в Россию — лечить князя Лопухина. Здесь он получил вторую профессию — акушера. Был избран членом научных обществ. Имел поначалу богатую частную практику, затем перешел на государственную службу. 28.10.1824 официально назначен главным врачом курортов.

Конради снискал среди больных репутацию замечательного практического врача — за лечебной помощью и советами к нему обращалось множество приезжих, и он никому не отказывал. Федор Петрович внимательно следил за использованием минеральных вод при лечении различных заболеваний. Результаты своих наблюдений он изложил в книге «Рассуждения об искусственных минеральных водах с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках». Свой дом, расположенный в самом центре Пятигорска, напротив входа в «Цветник», Конради сделал центром культурной жизни города — в нем было богатое собрание картин,

музыкальные инструменты — и то и другое привлекало сюда многих приезжих, которые могли проводить здесь время интересно и содержательно. Есть неподтвержденные сведения, что гостем Конради бывал и М. Ю. Лермонтов.

ЛЕВИ Ансельм

Родился в Карлсруэ (земля Баден).

Врач, французский еврей, приглашенный Е. А. Арсеньевой в Тарханы к больному внуку, чтобы вылечить его от «худосочия и рахиты». В 1801 году поступил на медицинский факультет Эрлангенского университета. В 1804 году защитил в Геттингенском университете докторскую диссертацию о проказе. В 1819 году сдал в России экзамен на доктора. Именовал себя, на латинизированный лад, Левис. Ездил с Лермонтовым и его бабушкой в Горячеводск в 1825 году.

Аким Павлович Шан-Гирей (1818—1883) — троюродный брат Лермонтова, один из ближайших его друзей, вспоминает о Тарханах:

«...Помнится мне еще... и домашний доктор Левис, по приказанию которого нас кормили весной по утрам черным хлебом с маслом, посыпанным крессом, и не давали мяса, хотя Мишель, как мне всегда казалось, был совсем здоров...».

Леви был инициатором лечения Лермонтова на Кавказских Минеральных водах и сопровождал Арсеньеву с внуком в Горячеводск (Пятигорск) летом 1825 года. Благодаря стараниям Леви, Лермонтов из «жидкого» золотушного мальчика превратился в крепкого широкоплечего юношу.

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«...У Столыпиных было имение «Столыпиновка», недалеко от Пятигорска... В 1825 г. поехали туда многочисленным обществом: бабушка, кузины Столыпины, доктор Ансельм Левис, Михаил Погожин, учитель Иван Капэ и гувернантка Христина Ремер — все это сопровождало Мишу...».

В 1851 году Леви получил чин титулярного советника, дававший ему права личного дворянства. Умер в возрасте около 70 лет.

МАЙЕР (МЕЙЕР) Николай Васильевич

Родился 23.09(05.10).1806 — умер 07.02.1846 в Керчи.

Знакомый Лермонтова, ставший прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». Из семьи выходца из Вестфалии Вильгельма Мейера.

Еще подростком Н. В. Майер начал работать в канцелярии Академии наук. Затем, после смерти отца, в сентябре 1823 года он поступил вольнослушателем в Медико-хирургическую академию и закончил ее в 1828 году со званием лекаря. Прослужив некоторое время под началом генерала Инзова в южных губерниях России, он был переведен в Ставрополь врачом особых поручений в распоряжение генерала Вельяминова. Зимние месяцы Н. В. Майер проводил в Ставрополе — центре Кавказской области, а летом исполнял должность врача в Пятигорске на время летнего сезона. Именно здесь, на Кавказе, Н. В. Майер и нашел ту близкую ему по духу среду ссыльных декабристов, в которой он вращался всю жизнь и в которую позже ввел М. Ю. Лермонтова, Н. Сатина и Н. Огарева.

М. Ю. Лермонтов встретился с Н. В. Майером во время первой ссылки на Кавказ, особенно близкое знакомство состоялось летом в Пятигорске, а осенью в Ставрополе и нашло отражение в романе «Герой нашего времени». В дневнике Печорина читаем: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление...»

Интересную характеристику дал доктору командующий Кавказской линией и Черноморией А. Вельяминов: «Лекарь Майер во все время нахождения его при мне нико-

гда не был замечен невнимательным к исполнению своих обязанностей, и все больные, пользовавшиеся его советами, всегда отзывались о нем как о медики, отлично заботившемся о больном, деятельном и усердном, сверх сего, мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанность медика, отличается при сем совершенным бескорыстием, и я имел случай удостовериться в этом...».

В облике Н. В. Майера было что-то аристократически-хрупкое, а в добрых карих глазах таилось страдание. Он пользовался большим авторитетом как врач, одинаково внимательный к богатым и бедным, русским и горцам. По воспоминаниям друзей, в его душе боролись врач-материалист и философ-мистик. «Его сердечное благородство и его потребность любви не уживалась с действительностью... чтобы не умереть с отчаяния, ему нужно было бессмертие души» (Н. Огарев).

Г. Филипсон отмечал, что дань мистицизму отдали многие русские интеллигентно-декабристы, в том числе и друг Н. В. Майера — А. Одоевский, на самого же Николая Васильевича большое влияние оказал его отец.

Николай Васильевич прекрасно владел русским, французским и немецким языками, говорил зачастую остроумно, с живостью и душевным теплом. Характер его был нервный и вспыльчивый, друзья ценили в нем искренность и честное прямодушие.

О Н. В. Майере, как о прототипе доктора Вернера, написано много, очевидно, он был настолько своеобразен и привлекателен, что многие черты его внешности, характера без изменений перенесены в роман. О встречах М. Ю. Лермонтова с доктором Майером после 1837 года и их переписке ничего не известно. Из воспоминаний Н. Сатина следует, что Николай Васильевич Майер настороженно отнесся к образу доктора Вернера и одно время был даже обижен на автора «Княжны Мери», но обида длилась недолго.

Тесная дружба связывала Н. В. Майера не только с Н. Огаревым, но и с А. Одоевским, А. Бестужевым-Марлинским, С. Палицыным, М. Назимовым, Н. Лорером и многими другими декабристами. Вне этого круга близких ему по духу людей Н. В. Майер чувствовал себя чужим и одиноким.

В последние годы жизни (с 1839 года) Н. В. Майер служил при штабе генерала Н. Н. Раевского-младшего в качестве главного доктора Восточного берега. После женитьбы на С. А. Дамберг он продолжал жить в Керчи, где его изредка навещали ставропольские друзья, в том числе декабрист Н. И. Лорер, сохранивший к доктору самые теплые чувства. Современники, вспоминая о Н. В. Майере, отмечали его «ум, огромную начитанность, живость, остроумие и душевность речи», «его сердечное благородство».

Из воспоминаний Николая Михайловича Сатина (1814—1873) — переводчик Шекспира и Байрона, учился с Лермонтовым в Московском университетском пансионе:

«...Майер был доктором при штабе генерала Вельяминова. Это был замечательно умный и образованный человек; тем не менее, он тоже не раскусил Лермонтова. Лермонтов снял с него портрет поразительно верный; но умный Майер обиделся, и, когда «Княжна Мери» была напечатана, он писал мне о Лермонтове: «Ничтожный человек, ничтожный талант!»...

...По окончании курса вод я переехал в Ставрополь зимовать, чтобы воспользоваться ранним курсом 1838 года. Я поместился с доктором Майером. Это был замечательный человек, как в физическом, так и в умственном отношении. В физическом отношении Майер был почти урод: одна нога была короче другой более чем на два вершка; лоб от лицевой линии выдавался вперед на невероятно замечательное пространство, так что голова имела вид какого-то треугольника; сверх этого он был маленького роста и чрезвычайно худощав. Тем не менее, своим умом и страстностью он возбудил любовь в одной из самых красивых женщин, г-же Мансуровой. Я

был свидетелем и поверенным этой любви. Майер, непривычный внушать любовь, был в апогее счастья! Когда она должна была ехать, он последовал за ней в Петербург, но, увы, скоро возвратился оттуда, совершенно убитый ее равнодушием.

Над 2-жой Мансуровой эта любовь или, правильнее, шутка прошла, вероятно, бесследно; но на Майера она подействовала разрушительно: из веселого, остроумного, деятельного человека он сделался ленивым и раздражительным...».

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличия в боях произведен в 1840 году в прапорщики.

«...В Ставрополе познакомился я с очень ученым, умным и либеральным доктором Николаем Васильевичем Мейером, находившимся при штабе Вельяминова... Он был очень дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своем «Герое нашего времени» под именем Вернера, и так верно, что кто только знал Мейера, тот сейчас и узнавал. Мейер был в полном смысле слова умнейший и начитанный человек и, что более еще, хотя и медик, истинный христианин. Он знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам...».

Из воспоминаний Григория Ивановича Филипсона (1809—1883) — капитан Генштаба, в 1836—1850 годах состоял в штабе войск Кавказской линии и Черноморья; автор «Воспоминаний», 1885:

«...Особенно замечателен был Н. В. Майер... зимой он жил в Ставрополе, а летом на минеральных водах. Он сделался очень известным практическим врачом; особенно на водах... Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манеры невольно привлекали к нему. Он прекрасно владел русским, французским и немецким языками и, когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотой...».

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«...Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манер невольно привлекали к нему... когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотою... Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромой — у него одна нога была короче другой — Майер нисколько не был похож на тип гостиного ловеласа, но в его добрых и светлых глазах было столько ума и души... Характер его был неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастический оттенок его разговора навлекали ему иногда неприятности, но не лишали его ни одного из близких друзей...».

По воспоминаниям современников, Майер был человеком острого саркастического ума и многосторонних интересов; хорошо знал литературу, философию, историю. Резко критически относился к политическому строю николаевской России, Майер сблизился со ссыльными декабристами. В 1834 году Майер был арестован по политическим подозрениям; во время следствия обнаружилось его вольнодумные письма и сведения о его антимонархических карикатурах.

Лермонтов познакомился с Майером летом 1837 года (до 10 августа) в Пятигорске; их дружеское общение продолжалось в октябре-декабре в Ставрополе. В «Княжне Мери» упоминается об окружавшем Вернера в Ставрополе «шумном круге молодежи» — намек на декабристское окружение Майера. В повести Лермонтова дан документальный портрет Майера: совпадают как внешние, так и психологические характеристики; в повести сохранены даже детали биографии (история любви Майера) и поведения Майера (привычка рисовать карикатуры).

В семье Майера хранились письма Лермонтова, которые впоследствии были утрачены.

НООД (НОД, НОТ), фон

Штабной врач на Кавказе, участник сражения при реке Валерик 11.07.1840. В этом сражении участвовал и Лермонтов, который написал впоследствии свое знаменитое стихотворение «Валерик».

Из воспоминаний Фридриха Боденштедта (1819—1892) — немецкий писатель, поэт, переводчик. С Лермонтовым познакомился в 1841 году в Москве:

«...В августе 1841 года пришло известие о смерти Лермонтова; он был застрелен на дуэли 15 июля Мартыновым, товарищем по полку, на склоне горы Машук, близ Пятигорска. Газеты коротко сообщили только о самом факте. Подробностей я узнал позднее на Кавказе от секунданта Лермонтова Глебова и штабного врача доктора фон Ноодта...».

ОРЛОВ Василий Иванович

Родился в 1792 году — умер в 1860 году. Старший лекарь лейб-гвардии Гусарского полка, позднее — штаб-лекарь при департаменте военных поселений, сослуживец С. А. Раевского. Возможно, что в полку он общался с Лермонтовым. В 1837 году Орлов сделал для себя копию стихотворения «Смерть поэта» и в письме к Раевскому от 4 февраля просил его исправить текст.

РЕБРОВ Яков Федорович

Врач, начальник Пятигорского военного госпиталя.

Из воспоминаний Сергея Николаевича Филиппова — литератор, в последней четверти 19-го века путешествовал по Кавказу и опрашивал современников Лермонтова:

«...на другой же день после этого о ссоре узнал командир Волжского казачьего полка, полковник Мезенцев, живший по соседству с Лермонтовым. Мезенцев слыл другом каждого, с кем водил знакомство, и, будучи добрейшим человеком, во что бы то ни стало захотел примирить поссорившихся друзей. Он сейчас же прибежал за помощью к влиятельным знакомым, в числе которых находились к Н. В. С. Голицын и доктор Ребров, консультант Лермонтова. Посоветовавшись вместе, они все решили, что, прежде всего, следует немедленно же удалить Лермонтова, хотя бы в Железноводск. Взаялся за это Ребров.

Только что Лермонтов проснулся и не успел еще встать как следует с постели, к нему явился доктор. Он начал издали: спросил о здоровье, потом сосчитал пульс и, подумав, начал советовать Михаилу Юрьевичу одеваться и тотчас же ехать в Железноводск.

— У вас такое нервное расстройство, что вам ни минуты здесь нельзя оставаться.

Лермонтов просил отсрочить отъезд, но Ребров объявил ему решительно, что ежели сейчас же не будет исполнено его предписание, то он не только откажется давать ему советы и выпишет из числа своих больных, но и донесет об этом коменданту. Лермонтов, волей-неволей, подчинился, уехал в Железноводск и жил там в течение нескольких дней...».

«...Доктор Ребров... был в то время старшим врачом госпиталя, жил мизантропом, по несколько месяцев не показывался в обществе, практиковать не любил, хотя слыл за хорошего доктора. Трудно предполагать, чтобы такой человек стал вмешиваться в дела Лермонтова, и, вероятно, по своей обязанности свидетельствовал его и только, а приятелем его быть не мог...».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна —

умер в 1889 году) — офицер Тенгинского пехотного полка, летом 1841 года жил в Пятигорске.

«...Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту сражения: крутишься, крутишься, дельце сварганишь,— ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подлестишься к нему, он даст свидетельство о болезни. Отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал...».

РОЖЕР Карл Христианович; НОРМАН

Из воспоминаний Александра Ивановича Арнольди (1817—1898) — корнет лейб-гвардии Гренадерского гусарского полка, куда в феврале 1838 года был переведен Лермонтов, позже встречался с ним летом 1842 года в Пятигорске; впоследствии генерал от кавалерии.

«...В то время Пятигорские минеральные воды усердно посещались русскими, так как билет на выезд за границу оплачивался 500 рублями, а в 1841 году сезон был одним из самых блестящих, и, сколько мне помнится, говорили, съехалось до 1500 семейств. Доктора Рожер, Норман, Конради и многие другие успешно занимались практикою, и я видел в Пятигорске многих людей, по-видимому, неизлечимых, которые в конце курса покидали целительные воды совершенно здоровыми...».

**Николай Макаров,
Тула**

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

**«ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОЙКУМЕНЕ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА**

*...Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.*

(А. С. Пушкин, «Три ключа», 1826 г.)

*...Цветет Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт, — идет он и поет.*

(Е. А. Баратынский, «Последний поэт», 1835 г.)

1

Утомленный от долгих походов, уставший лицезреть всечеловеческие холмы истории, раскидывал так же свой «независимый бивак» у истоков Кастальского ключа поэт-воин Денис Давыдов. Сказание о вечном вдохновении привлекло и нашего современника, писателя Алексея Яшина. Дельфийские оракулы считались наиболее достоверными по всей Ойкумене. Священный источник Иппокрена и Кастальского ключа, расположенный на склоне горы Парнас, — источник вдохновения, по мнению древних греков, обладал исключительным свойством возбуждать поэтический дар. Почему же обращается к этой удивительно красивой легенде Алексей Яшин? А причина та же, как он объясняет в своей новой книге «Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреевича)» (М., 2019), — «появление в подлунном мире класса писателей». «Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к одной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Иппокрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиопе, Клио, Мельпомене и Талии», — так образно говорит он о собратях по перу. «Житие наше оцифрованное» — авторитетное издание, приуроченное к юбилейной дате, к 85-летию создания Союза писателей СССР, к которому Алексей Афанасьевич Яшин имеет честь принадлежать, а еще и к 60-летию Тульской писательской организации, салтыковско-щедринской, как ее по праву он сам называет.

Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным автором, отметившем столь значительное событие некогда великой и единой Державы изданием весьма любопытного и редкого труда. Первая глава книги «Кастальский ключ из водопровода. Историческое сказание от Гостомысла до наших дней», написанная по формату обширнейшей и добротной статьи Белинского, перерастает у него в целый роман. «Эпопея нашего времени есть роман», — подтверждал основоположник русского нигилизма. Главное не терять темперамента и четко разметить литературное поле, и

расставить правильные акценты, где «вовсе не едкая щедринская сатира, но несколько грустное философствование, скорее сочувствие к современным избранникам муз, что выпало им жить в эпоху жестокой глобализации, разрушения СССР, перехода от социально ориентированного сообщества к самой дикой форме, homo homine lupus est, частнособственничества, накопительства и потребления», — убежден А. Яшин, что мы и видим в данном его повествовании.

Само понятие литературы в начале третьего тысячелетия не выдерживает никакого сравнения с минувшими десятилетиями и веками, замечает известный критик В. Лютый. При всей, казалось бы, свободе мысли, сложились новые зоны размежевания и табуирования. Для нынешнего дня одной из самых сложных задач оказывается создание мировоззренческого и идеологического романа. Мы наблюдаем все большее сближение документальной и художественной литературы, когда литературный реализм приобретает новые черты публицистичности, что, собственно, есть и в романе А. Яшина. Не помешает напомнить и о самом авторе, личность которого не перестает удивлять многогранностью своей деятельности: писательской, научной, общественной. Алексей Афанасьевич Яшин — прозаик, поэт, известный ученый с мировым именем, главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», всего не перечислить. Надо отметить, он относится к писателям с ярко выраженным нестандартным мышлением, ему свойственен многогранный охват разнообразных явлений жизни, редчайший дар анализа и предвидения. Сфера его интересов поражает воображение: история, политика, экономика, образование и армия, не говоря уже о научных изысканиях в различных областях знания, — такова всеобъемлющая проблематика интеллектуальных повествований автора. Он аналитик от Бога, любовь к Родине, русская почва, классическая традиция в литературе — характерные черты, базис, надстройка текстов писателя. Хроно, летопись истории советской и отчасти современной литературы, блистательно осуществленные им, — уникальное занятие и своего рода уникальный эксперимент!

Перед нами жанрово показательная книга, с присущей ей философской подсветкой, написанная с эпохальным размахом, объем которой включает более 300 страниц текста, 6 частей, охватывающих историю русской и советской литературы на фоне широкого круга проблем человеческого бытия, причем в разных его проявлениях и ипостасях. История страны проходит через наши судьбы и наши неравнодушные сердца, и автор, обладая собственным мировоззрением, размышляя и сопоставляя те или иные факты, подводит нас к определенным выводам, иносказательно представляя нашу с вами повседневность, как бы изнутри и во взаимосвязи с окружающим миром, во всей вселенской синергии. Он избрал непростое построение книги, давая происходящему свою нравственную оценку, придерживаясь и своих принципов одухотворения, которые непосредственно черпает в Кастальском ключе: предисловие — о современной литературе как салонном виде творчества; центральная глава — «Историческое сказание от Гостомысла до наших дней»; другая глава — о западном цифровом глобализме, исключающем самого человека; третья и четвертая — об эпохе компьютеризации, сменившей эпоху Гутенберга; две заключительные новеллы — экскурс в историю российских военно-международных отношений, содержащих пророческие выводы и о судьбах русского мира, ее культуры и литературы. «Русь — страна особая», — отдельным штрихом подчеркнет автор извечный феномен, озабоченный потерей нашей самобытности, расчеловечиванием социума, пресловутым «переходом от слова к цифре». Публицист и философ Зиновьев точно дал название подобному обществу — человеконик, который в ноосфере явно уступит место глобальному разуму коллектива, полностью исключая волю и разум индивидуума.

Роман появился, как говорится, исключительно своевременно. Выиграем ли мы эту колоссальную по своему масштабу битву за человека? Такая же глобальная проблема и в романе А. Яшина — влияние художественной культуры и литературы на

действительность, на человеческую душу. Сумеет ли литература отстоять высокие ценности, завещанные русскими классиками? Трагизм XX века, несовершенство человека переносятся и сталкиваются с теми же похожими социальными явлениями и в XXI веке. Автор намеренно включает в повествование яркие символы каждой эпохи: ее политических лидеров и ведущих деятелей литературы. Роман прочитывается как феномен своего века, как художественная летопись времени, идущая из прошлого к современности, убедительно и наглядно доказывая, что «еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека!» Авторская идея нова и оригинальна — осветить роль русской литературы, ее значение на ход истории, на человеческую жизнь, но жанр при этом традиционный, почтенный.

У А. Яшина собственное прочтение темы, достаточно сложной, противоречивой, свое измерение судеб художников и их произведений, оказавших немалое влияние на те или иные ключевые события нашего бытия. «Писать абсолютно по-своему», отстаивать «совершенно самостоятельное видение окружающего» — вот эталон классического письма, которого строго придерживался И. Бунин. В книге А. Яшина нет академического занудства при всех научных регалиях ее автора, его энциклопедических познаниях, все это как-то отодвигается, и личность автора не выходит на первый план, а вот философская глубина сочетается с необычайной увлекательностью сюжета. Сегодня исчезли бытописатели подобного размаха: беллетристы, статисты, кто угодно, публицисты на злобу дня, художники плакатного слова, но не литераторы, идущие от развернутой ретроспективы, от истоков к настоящему и будущему. И все же — высокоинтеллектуальное чтение никто не отменял. В этой исторической ретроспективе и заключается понимание наследия, понимание чувства Родины, когда русская литература открывается как всечеловеческая ценность, о чем говорил философ и историк Н. Арсеньев.

А. Яшин в сплетениях обычных моментов высвечивает незыблемые корни национальной истории — духовный путь народа, сохранения себя, родного языка и слова, богатой русской культуры. Четкая позиция автора и стиль аналитика вписываются в академическую строгость — тугие сети аргументов, неординарность мышления и самобытность образов впечатляют. А стиль, согласитесь, — самый верный признак не только ума, но и таланта. А. Яшин умеет обозначить существенное, охватить взглядом весь литературный процесс как таковой. Он с болью говорит об «исчезновении литературы из творческого ареала современного человечества». И может быть, «уходящая русская словесность», ее «вдохновенное слово» — это последняя связующая нить, не дающая нам окончательно запутаться и исчезнуть в сетях технократического мира. Великий глобализатор и Великий инквизитор по Достоевскому вошли в неясную и тревожную реальность XXI века.

Роман «Житие оцифрованное» насыщен национальным колоритом, чего так не хватает нам всем в современной литературе, вместе с тем А. Яшину не чужды и жанрово-стилистические решения и новшества. Собственные житейские истории он абсолютно логично представляет и вписывает в общий контекст романа. Они в чем-то похожи на притчи, либо исторические анекдоты. Их создатель — философ, стремящийся установить духовное равновесие сил. Что мы оставим потомкам после себя, будет ли Россия? Человек — это микро— и макрокосмос, вселенская частица, все в себе соединяющая. Она не должна раствориться в «человейнике», не должна бесследно уйти в небытие. При всех потерях и неудачах нам должна остаться Родина, русская земля, Россия — в этом заключается большой смысл повествования патристического романа А. Яшина — книги, страстно отстаивающей классическую русскую культуру и литературу!

«Правда Скрижалей Истории»

*Настоящий человек является прежде всего сыном
своей страны, гражданином своего отечества,
горячо принимающего к сердцу его интересы.*

В. Г. Белинский

В новой книге А. Яшина ее главную, центральную главу «Кастальский ключ из водопровода. История сказания от Гостомысла до наших дней» я бы разделила на три составные части, потому что в любом тексте автора всегда допустимы свои варианты прочтения: русская дореволюционная литература, определившаяся в своих основных позициях еще в эпоху крепостного права и ставшая предтечей, «истоком литературы советской», — это другой период соцреализма, а затем и новейшей литературы, тесно связанный с цифровым веком всеобщей компьютеризации. Если тот же Лев Толстой настороженно принимал эпоху Гутенберга, то мы оказались свидетелями начала ее конца, ознаменованного все большей глобализацией, когда на смену печатному слову, бумажной книге приходит книга электронная, так называемый модный электронный носитель. Как тут не вспомнить времена А. С. Пушкина, беспрестанно мечтающего о выпуске журнала «Современник», которому суждено будет перевести «салонное сочинительство во всероссийский литературный процесс». И тем паче, как губительно сейчас ощущать возвращение к салонному творчеству и «светским» вечерам, женским романам, лишенным художественного вкуса, и легкому, бездумному чтиву, дурно одобренному плохим, никчемным языком.

Мы явились очевидцами потери единого налаженного литературного процесса, замены его кружками по интересам, мизерными тиражами с трудом издаваемых книг, вместо «толстых» литературных журналов получили засилье развлекательных глянцевого, а писательские союзы превратились в формальные объединения, потеряв свой былой статус интеллектуалов и просветителей. Здесь как раз А. Яшин обращает внимание на следующие моменты: и пока несостоявшуюся окончательную гибель русской литературы и журналов, коим давно прочат похороны, и графоманию в писательской среде, особенно процветающую в наши дни, и электронные версии журналов, и сами институты литературной цензуры, когда-то сформировавшие в России эзопов язык, мастерство его оригинальности, иносказательности — искусства «обходить острые углы», напрочь нынче утерянное. «Сам себе хозяин» стал наш современный писатель, о котором уже «не заботится Литфонд», — с определенным сожалением высказывается автор. Заметим, что 85-летие Союза писателей когда-то одной большой страны СССР, по мнению А. Яшина, обозначило горький и очевидный факт: «В наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны, даже самим себе». А ведь писательский труд — это очень сложная и кропотливая деятельность, требующая полного погружения в рабочий процесс, лишь отчасти скрашиваемый краткими этапами вдохновения и творческого озарения.

Роман объединяет единство уже хорошо знакомых персонажей, надежных и проверенных читательским временем, харизматичных, настоящих: неизменный профессор-умница Скородумов, доцент Привалов, писатель и главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия» Бурцев. «Что же касается персонажей, а если угодно героев, то тут надо для начала просто знать, что живут на страницах всей тетралогии и, кстати говоря, за пределами одной, в иных произведениях автора, некто Николай Андреевич, ныне доцент, а прежде труженик оборонки, и его старинный приятель профессор Игорь Васильевич. Это мужчины уже с приличным жизненным опытом и академическими знаниями, скептически, но объективно настроенные к ок-

ружающей действительности, то есть не злобно, с приличной и вполне приемлемой и обоснованной иронией», — с долей подобного нескрываемого иронического оптимизма пишет и писатель, публицист, критик В. Трусков в книге «Иронический оптимизм сожаления», посвященной творчеству А. Яшина, его тетралогии. Разумеется, присутствует здесь и нечто автобиографическое. Две зеркальные, взаимоотражающие модели писательских организаций: союзной и областной, Тулуповской, как ее величает сам повествователь. Причем крайне любопытно слияние в тексте науки и литературы, ведущей роли философского аспекта — доминирующей тенденции нашего времени. «О продуктивности науки не стоит спорить: за нее свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но, что касается ее теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям предположительного и таинственного», — писал философ И. Ильин. Но и литература, заключающая в себе эту таинственную субстанцию, — тоже наука, имеющая свои законы и принципы. То, что начал Гомер, завершил Пушкин: у человечества в руках оказалась литература — уникальный информационный инструмент, с помощью которого человек смог заглянуть в себя. Назад в будущее. Вперед, в прошлое, куда угодно в пределах бесконечного космоса. Предметом Гомера была душа, предмет Пушкина — сознание и душа, рождающие личность. Так анализирует процесс появления и развития литературы профессор филологии, литературовед и писатель А. Андреев.

Между тем мировая глобализация, привнесенная Западом, изменила и наше общество, и А. Яшин дает свою характеристику происходящему, когда наступила «ныне торгово-спекулятивная частнособственническая Русь». Что станет в стране дикого олигархического капитала с традицией читать книги? Писатель говорит «о потере современной художественной литературой читателя», обреченного на потребительство и биологическое вымирание, когда это «читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих». Иной ракурс приняла и параллель, всегда важная для пишущих: литератор — критик. Если человек есть то, что он ест, выражаясь фигурально и гастрономически, то литератор и критик есть не только то, что он пишет, но и прежде всего — то, что он читает.

Удивительна и необычна манера письма, присущая А. Яшину: «делай добро, избегай зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно», — ключевая иносказательная линия в его повествованиях. Таким образом поступали Крылов, Салтыков-Щедрин, Гоголь. Недаром Белинский отмечал, что «в Крылове истинно гениальном творце народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, смысленности, по-видимому, простодушия, но и язвительной насмешки русского народа», содержащей суть человека, его души, более похожей на реальную и конкретную правду дела его жизни, нежели лишь одни предположения философов о загадочной, непонятной таинственности русской души. Насыщенная гиперболизация Салтыкова-Щедрина, зоологическое уподобление героев его произведений животному миру легли в основу романа А. Яшина. Тут на ум приходит и известная сатирическая повесть Д. Оруэлла «Скотный двор». От романтической иронии, иносказательных сказок А. Яшин в своем романе подводит читателя к демоническому хохоту всемирного пророка Достоевского. А это уже подлинная фаустиада Духа, в которую включены такие действующие лица, как Великий инквизитор — Великий глобализатор — Великий Пророк. Тема фаустиады обещает стать грандиозной мистерией человеческого духа, его разума и воли, его Божественного дыхания.

«Урок истории», или писари «Тулуповского леса»

*Тула — город Знаменитый!
Город — крепость, город щит!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!*

Р. Мусаев

В романе «Житие наше оцифрованное» авторские поиски «Правды Скрижалей Истории» предстают сквозь призму летописи Тулуповской писательской организации как некоей общей модели Союза писателей СССР и одновременно как отражение модели всего государственного устройства. Флэшка прозаика Бурцева с текстом истории Тулупова, которая пусть и «на периферии литературы», но не может оставить профессора Скородумова безучастным и равнодушным к литературному процессу в целом, при всех издержках и вызовах времени, его, пусть и органически не воспринимавшего компьютер, не удастся «выбросить с корабля современности». Нельзя удержаться, чтобы опять не привести и выдержку из книги В. Трусова «Иронический оптимизм сожаления», написанной не столько в литературоведческом ключе, сколько в остроумном художественном, в некотором роде продолжающей оригинальностью стиля повествование самого автора А. Яшина, когда речь идет о его любимых и уже привычных для читателя персонажах: «Здоровое человеческое и вполне себе рациональное начало берет в них верх над всеми резонами современного бытия и его новых веяний, помогает сохранить себя в виде самодостаточных личностей, слабо подверженных влиянию модных тенденций, в частности, всемирной путины, всеобщей компьютеризации и прочего». Они крепко стоят за «сохранение в человеке творческого самостоятельного начала», «человека и человечности», супротив повального превращения в «андроидов», подчеркивает критик, комментирующий собственные мысли о «весьма драматичной» истории существования областной организации писательского союза — «от страны советов до наших дней».

Гегелевская диалектика, где свобода есть осознанная необходимость, исходящая из закона единства и борьбы противоположностей, в очередной раз доказала свою живучесть и отразилась и на писательском сообществе. Появление же класса полноценных писателей невозможно без осознания себя частью Родины, без понимания того, «откуда есть и пошла родная земля», — пока еще не канули в Лету забываемые слова горячего просветителя и проповедника христианских истин, борца за русского человека и справедливость Н. Лескова. Его наивный и в то же время невероятный сильный духом герой Левша, искусно подковавший легендарную блоху во граде Туле, не мудрствуя лукаво, сказал так: «...мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные». Писателям, как и всем остальным, нужна собственная история. А вот что и как писать — рассудит время, ибо излишний либерализм никогда полезным не был, но и полная диктатура не благоприятствовала развитию таланта.

А. Яшин тонко чувствует не только постепенное угасание Кастанальских ключей в культурной среде литераторов, но и вместе с историей тулуповских писателей совершает реверанс в прошлое нашей русской литературы, дабы очертить основные вехи истории Союза писателей СССР — самой мощной и значимой организации в истории не только советской страны, но и одной из первых и ведущих сил на мировой литературной карте. Однако делает это он иносказательно, отталкиваясь от реальной почвы, роман читается легко и сложно, привлекая читателя чувствами и ассоциациями. Автор по-бунински наблюдателен, зорек, умеет выхватить главные харак-

терные черты. Следуя искрометному таланту любимого писателя Н. Лескова, А. Яшин мастерски обличает лицемерие, фальшь, подхалимство, «чиновничью шушеру», а так же аналогично и непримиримому борцу Салтыкову-Щедрину, предельно обнажающему правду, его современное перо восхищает не меньшей самобытной оригинальностью. «...мы начнем с некоторой древности <...> с ветхозаветной истории», которая была жестокой в отличие от новозаветной, уже наполненной любовью,— пытается он сделать экскурс в далекие, стародавние времена, чтобы яснее понять времена третьего тысячелетия.

Надо признать, он упорно и наглядно творит «древнюю лесную историю», «учрежденную на пах просвещения тулуповским купечеством». Таков дикорастущий философ и художник слова, красноречиво рисующий этот Лес, то бишь Тулупис, ее организацию писателей — литературное объединение Леспис, если сокращенно. Впрочем, как же тут и без доносов, «выцветших на бересте», излюбленном и неистребимом жанре в жизни русских литераторов?! Ну, и «толстые» художественные журналы, к примеру, те же «столичные куранты», помогающие зацепиться на литературных Скрижалях. Чего только стоит необычный образ, ключевой лейтмотив книги — образ зверя. Нечто лесковское, взятое писателем из Жития старца Серафима: «И звери внимаху святое слово» (Рождественский рассказ Н. Лескова «Зверь»). Своеобразная переключка имен и фактов, имен нарицательных, удивительным образом пересекается в романе А. Яшина. И критик В. Тусов, резонно и фигурально говоря, предлагает «сбросить с реальных поэтов-писателей личины звериные...» Впрочем, и у А. Яшина имеются в арсенале удивительнейшие стихи, где вся красочная таинственность животного мира, его первозданная полнота пересекается с миром человеческим: «Не верю, что звери не говорят, / Что думать не могут певчие птицы. / Мы видим не все со своей горы, / Чудес неоткрытых еще немало...»

Вообще будем откровенны, изложить подробно и детально суть романа невозможно, аллегории захлестывают, но зато ощущаешь неподдельное чувство времени, причем любого. Ведь важен не только запах, цвет и звук эпохи, достоверно схваченный,— важен тщательный и скрупулезный самоанализ, происходящий на протяжении всей истории России. История, мысль, литература — понятия взаимосвязанные. И кто из них врет порой разобраться крайне трудно. Надо сказать, что крепостной режим, если не искалечил Россию, то наложил на нее и на всю русскую литературу свой неизгладимый отпечаток. Н. Лесков откровенно обличал мерзость крепостничества. А. Яшин касается в романе личностей Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Пушкина, Гоголя, творчество которых протекало в пору его апогея. Русская литература в чем-то была отражением этого великого барского безделья. «Вот приедет барин, барин рассудит!» — отнюдь неслучайно приводит автор известную цитату в книге. Он опирается на «словесное узаконение: самодержавие, православие, народ» — постулаты триединства и существующей уваровской формулы государственности. Эта величавая державность — есть давняя надежная традиция.

Поясняя мотивы написания данной главы, мы явственно видим, как на страницах романа проступает яркий архетип — Великий Лев, с именем которого начинается «взлет писарства Тулуповского леса на горние вершины Скрижалей — 90 томов многомудрых житий и наставлений». Персонаж вполне узнаваем — Лев Николаевич Толстой — личность без преувеличения сверхчеловеческого масштаба, жизнь его не поддается однозначному описанию, ведь он искал всю жизнь, в чем же смысл этой жизни, до самого последнего ее мгновения уверовав в то, что даже на смертном одре можно прозреть истину. В одной из своих литературоведческих статей «Последний евангелист христианской веры» А. Яшин пишет о том, что Л. Толстому был «дан дар — горький дар — понимания, что эволюция впервые подвела человечество к концу XIX века», когда «ход истории вырвался из-под контроля творцов», — великий гений предчувствовал «глобальный мир» с его «безысходностью, холодом и отчаяни-

ем опустошенности». Уникальное 90-томное наследие «зеркала» лесной общественности — убедительное доказательство фактора особости и индивидуальности: философский гений творца и мыслителя олицетворяет и рабство, и радость духовного труда, и — то, что самое сложное и высокое поприще — мысленное творчество, творчество мысли человеческой.

А пока, исходя из действия романа и подогревая к нему читательский интерес, автор «Жития оцифрованного» повествует о Великом бунте с его Великим Тигром, который перевел рабфактовскую молодежь на «единый продовольственный паек», подтянул «лесную сволочь и иных обывателей к овладению грамматикой» и, разумеется, прочими иными науками, с которыми попутно открылась и «всевозможных масса публицистических ведомств» и «всевозможных писарских сообществ». Что примечательно: юмор, ирония — отличительная манера письма А. Яшина, плавно переходящая в салтыковскую сатиру, какую злой не назовешь. Но здесь необходимо различать юмор бытовой и юмор чисто философский, смех серьезный, не глупый. Смех и искрометный авторский язык может быть оправдан лишь характером и непосредственным языком персонажей, что мы и наблюдаем в произведениях харизматичного донельзя писателя. Горечь же и сарказм всегда скрашиваются юмором. А. Яшин собирает языковые курьезы, иногда впадая даже в излишество, как может показаться, хотя его исторические анекдоты, думаю, со мной согласятся многие, — бесподобны. Автор до страсти любит каламбур, игру слов, остроты, шутки, когда за комизмом неминуемо следует и сатирическое обличение. Да и он сам следует за народом, искренне влюбленный в шутку и прибаутку. Ничто не ново под луной, но вспомним, что те же «туляки подковали-таки блоху», — живет эта присказка на Руси до сих пор и будет жить!

Нельзя не отметить, А. Яшин — мастер бытовых загадок, мудрых и ироничных. Всякий раз диву даешься его неутомимой фантазии и красочному воображению, откуда он черпает свои меткие фразы, например, одна из них принадлежит в романе ловкому литначальнику, пристроившемуся к теплому и хлебному местечку, почти классическая фраза, взятая из его же анекдотов-былей: «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут». Разве не напрашивается сама собой связь с тем же незабвенным Антоном Павловичем, с его «юбилейным подарком — вместо почтового ящика», с коим, именно с почтовым злосчастным ящиком, теперь проблемы в новом веке у главного героя романа «Житие наше оцифрованное», а поконкретнее — прямая связь с чеховским рассказом «Правила для начинающих авторов», содержащем аж 18 лаконичных пунктов. «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» — изначально советует Чехов, хотя и понимает, что «писательский зуд неизлечим». И не преминет неустанный художник-исследователь человеческих душ предупредить о том, что «писание, как «искусство для искусства», выгоднее, чем творчество за презренный металл». Тонко делает и следующее умозаключение: «Стать писателем, которого печатают и читают, очень трудно. Для этого: будь безусловно грамотен и имей талант величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствием больших талантов дороги и маленькие». Не все пишущие, о чем говорит и А. Яшин, настоящие писатели, как не все стихослагатели в рифму поэты. Сегодня в нашем писательском лесу пишущих гораздо больше, чем их читающих.

Новый роман, как и многие другие его произведения, влечет старинным слогом, объемной фактурой письма, панорамным изображением образов, не переставая поражать цепью словесных авторских портретов. Советский литературный пейзаж с его идеологическим сюжетом приобретает у А. Яшина свои четкие формы и границы в славные времена Стального Барса. «Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 части земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому», — констатирует автор непреложные факты истории. Он создал «прочные устои» и в «неспокойном, шумном писарском сословии», когда и Тулуповский лес в свою

очередь внес корректировку в «исправление идеалов, давших кривизну». Не секрет: «Критика и самокритика, — как утверждал товарищ Сталин, — движущая сила нашего общества». К тому же диалектический реализм прекрасно уживался в рамках проповеднического соцреализма, по мнению автора, при одном условии — только «не хулить все властные персоны и их должностные статусы». Свершилось, пожалуй, самое значительное завоевание для пишущих: «писарство включено в общий табель профессий» и стать членом писательского союза тогда было гораздо сложнее, нежели получить степень доктора филологии. Труд Литфонда «был регламентирован и очерчен определенными рамками». Разумеется, был обозначен и круг тем: философско-отвлеченные, общечеловеческие, гуманистические, интернациональные, вопросы злободневные, не забывающие и о руководящей роли партии и правительства. Провинции тоже была регламентирована своя проблематика: люди труда, областной масштаб партийных руководителей, их прославление и гимны. А что же сегодня? Картина кардинально иная: писатели вынуждены выполнять «социальный заказ для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастики и глянцевого порнороманов». Как ни печально, авторы за свои же кровные создают «литературные мыльные пузыри тиражом в 100 экземпляров», презентуют их небольшому кругу друзей и им же дарят.

Справедливости ради отметим, ох, и непросто было получить долгожданный билет Лесписа, все же талант надо было иметь, сравнимый с энергией Кастальского ключа. С легким изумлением вновь и вновь читаем в книге А. Яшина о доносах. Вполне закономерно Л. Чуковская создала тогда свой обличительный роман «Процесс», дав ему одноименное название с философским романом Ф. Кафки, видимо, из четырех миллионов доносов, написанных в сталинский период, немалая доля принадлежала и нашим славным, достопамятным литераторам. Однако отдадим должное Стальному Барсу, «знавшему толк в истинных талантах». Этого великого диктатора, прошедшего путь от сохи до атомного оружия, его сложную и противоречивую личность, который своего врага уничтожал руками своих врагов, Черчилль охарактеризовал очень подробно и точно. Умный политик подчеркнул его необычайную энергию, эрудицию, нескгибаемую силу воли, юмор, переходящий в сарказм, способность точно выражать свои мысли. Статьи и речи, заметим, Сталин писал только сам. От него исходила невероятная исполинская сила, вождь народов обладал осмысленной мудростью, логикой, был сдержан, видел мир без иллюзий. Именно лидер подобного масштаба и смог придать объединению писателей — «единоустремление» главной и великой цели страны советов — быть мощной индустриальной и военной Державой.

Идея обобществления «полного устранения устремлений к накопительству» не исключала и творческого своеобразия. Так или иначе, но писатели не думали о хлебе насущном. «Единое обобществление» на ниве словесности принесло и долгожданные плоды. Небольшое отступление: одной из самых известных книг философа Н. Бердяева является книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.). Он писал о мессианстве русского народа, его мессианском призвании: «Коммунизм имеет глубокие истоки в самой России, в русской культуре». Русская идея ведущей миссии России в мире нашла свое выражение и в философских трудах Н. Лосского, когда он говорит о характере русского народа, о том, что «мессианский человек — создает высший божественный порядок на земле». На ум приходят и мысли Ф. Достоевского, из «Дневника писателя», где он признается, что «никогда не мог понять такого строя, при котором 1/10 народа пользуется многими жизненными благами, а 9/10 лишены их». Вероятно, парадокс для иностранца, но логично для нас — русские стыдятся своего богатства.

Однако, возвращаясь к теме романа, находим и образы «новых пролетарских инженеров лесных дум»: наглядный пример — Горькоусый Морж. «Горькомания» оказалась неисчерпаемой и многогранной, как магический кристалл. Убедительно гово-

рит об этом и писатель Ю. Козлов в проникновенном лирическом эссе «Классики и мы» («Новая Немига литературная», № 5, 2019 г.). Действительно и без малейшей доли преувеличения: Горький сегодня — третий по известности после Толстого и Достоевского русский писатель мирового уровня. Он навечно растворился в России, во многом оставшись непонятым до конца в своих поисках правды и счастья для русского человека. И А. Яшин прав, когда пишет в романе и о таком моменте в биографии «буревестника революции»: «Горькоусый Морж убедил Стального Барса в благоденственной пользе всяческой поддержки писарства как блага, необходимого для развития и цветения обобществления». Но время не стоит на месте, и эволюционное развитие продолжается, являясь более благодатной почвой для всех жизненных сфер в отличие от стихийных революционных взрывов. А те же проблемы провинции и столицы были всегда. И Кукурузный Вепрь, который изначально «ослабил либеральные вожжи писарям», но затем и сам же «прочные устои» ввел, ничего иного, по словам автора, придумать не мог. Это был хорошо известный период «оттепели» в культуре и литературе с его печатью «шестидесятничества», поэтической публицистичности, поэзии больших стадионов, незабываемых литературных вечеров в Политехническом музее, восхитительный, но короткий период свободы мысли, вырабатывающей чувство меры во всем.

Такова была литературная жизнь: нас тьмы, и тьмы, и тьмы, как сказал поэт. Русская литература определила и собственное имя, и нашу жизнь. Роль ее, безусловно, была весьма и весьма велика. Впрочем, и для тулуповских писарей наступило «блистательное время», когда «бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу», — красноречиво излагает А. Яшин. Наряду с писарскими и партийными билетами, с гонорарами и тем же неустанным доносительством, подхалимажем, прочно и основательно торжествовала неповторимая эпоха подлинной культуры «толстых» журналов, не имеющая себе аналогов в мире. Редакция журнала оговаривала с заинтересовавшем его автором право «первой ночи», первородство весомо значило право первого, первой публикации. Раньше и дураку было понятно: настоящий писатель изначально печатается в «толстых» литературных периодических изданиях. Ныне и в журналах. Разница огромная по сути и статусу.

3

«Но вот пришла цензура равнодушьем...»

Исходя из вышесказанного, феномен современной литературной жизни приобрел и новые приоритеты. Научившись писать эзоповым языком, постигнув язык Салтыкова-Щедрина, Гоголя, привыкнув в советское время и к искандеровскому языку, нарицательный стиль прозаика и сценариста Ф. Искандера, авторы ощутили, что с началом перестроечной эпохи, единый мир и в жизни, и в литературе неизбежно потерян. Освободившись от цензуры, писатели освободились от всего, стали сами себя издавать, перестав в одночасье быть «Властителями дум», Пророками, Учителями. Власть потеряла интерес к писателям, а писатели потеряли интерес к власти. «Толстые» литературные журналы тоже утратили былую власть над умами. Литература лишилась интереса общества, а общество лишилось защиты литературы. Необратимые перестроечные перемены не прошли бесследно. След этой крутой эпохи, времена разлома красной чертой прошли и через наши души. Начался и передел литературного пространства. И, если в 80-е годы «теплело» на нашем дворе, то в 90-е пошло-поехало-понеслось. «В лихоимные же «девяностые годы», когда все паскудное, супротив прежнего, обобщественного *Нашего леса* направленное было в чести, то и вовсе во всяких подметных курантах, особенно в столице тиснутых, оспаривалась честь различных Лесов полагать Лошака *своим*, как свободолюбца, борца с тотали-

тарным режимом, воплощением совести и морали и пр. О — времена и нравы! О — история, смейся и плачь...» — вот вам, дорогие друзья-читатели, писатели, редакторы и критики, и «окончание эпохи обобществления и начала лихоимных «девятиностых» по-яшински. Но о печальном — позже, автора спасает ирония, его второе Я.

Аргументировано поясняет подобные перемены философ и публицист А. Зиновьев, автор модели «человеяника» как продукта глобализма. Он указывает на диалектическую необратимость общественных процессов: «...у каждого действия есть свое место в общей системе, где оно осмысленно. Если же перенести его из одной системы в другую, то там оно теряет смысл и становится вредоносной единицей». Вот и получается, что писатели наши «разбаловались всеобщим пиететом в эпоху обобществления, не смогли они встроиться в лихоимное частнособственничество», — заключает А. Яшин, как это не было бы прискорбно, предвидя неопределенность будущности класса литераторов, резко устремившихся в столицу, в «толстые куранты», в растущие, как на дрожжах, коммерческие издательства. «Тулупис выживал и надеялся», — собственно, как и вся страна, образно и с определенной долей оптимизма представляет ситуацию автор. Другие времена неукоснительно требовали опять «усилить акценты» в написании текстов на злобу дня. Пришла и молодая поросль, пополнив старые ряды, какая галерея портретов и образов эпохи Осла проходит перед глазами: Олениха, Росомаха, Котик, Лось, Барсук, Степной Волк, Дрозд, длинноногая Лисичка! В разы возросло число «сочленов Тулуписа», готовых стать равными в «грядущем человеянике»! Графоманам или «чайникам» это вовсе не страшно, как и тем, кто по-прежнему денно и нощно, без устали строчит доносы. Пора обратиться и к хранителю языка русского В. Далю. Его «Толковый словарь живого великорусского языка» объясняет донос так: слово и дело, старинное — донос, быть в слове — подпасть вине, быть под ответом. Судите сами!

Здесь уместно задуматься: существует ли профессиональная солидарность? Человеческая, пожалуй, да, редко, но существует. Общая коллективная позиция в писательской среде сегодня уже невозможна. Все оказались детьми Красной империи, по определению критика В. Трусова, и с ее концом потеряли родину. Крах отечественной словесности вверх читателя в состоянии энтропии. Есть ли жизнь на Марсе или нет, то есть в современной русской словесности? Хотя поминки по русской литературе все же преждевременны. В 1922 году О. Мандельштам опубликовал эссе «Конец романа», предрекая полный закат настоящей литературе. Прогноз не подтвердился. А. Яшин вопреки происходящему, пишет роман традиционного формата, которому не свойственна нынешняя размытая малосюжетность. С потерей Империи, считает автор, выстроенные связи: «писарь — книготорговец — читатель» аналогично и связям: книга — редактор — критик — читатель обретают совершенно противоположное значение, где превалирует во всем коммерческий и рациональный подход. Редактор — критик в одном лице и флаконе — это, кстати, тенденция нашего момента, когда выступать в одеждах литературной критики начала и публицистика, окрашенная политикой, когда и редакторство, не секрет, по-своему развращает, как и всякая власть. Но критики опять обретают статус общественного мнения и статус «властителей дум», становясь фигурами публичными. «Тяжелое это дело — современную литературную ниву возделывать», — замечает А. Яшин. Кроме того, писатель не забывает, что он летописец, и не отступает от своей главной задачи. Роман его, как и полагается, прослеживает основные вехи и становления, и дальнейшего развития русской словесности. При всей завуалированности и бытийной аллегории в нем прочитывается четкая хронологическая логика основных дат и событий.

Итак, 1986—1991-е годы — время перестройки. В результате государство СССР, занимавшее 1/6 суши, исчезло с карты земного шара. Вместе с исчезновением «советского человека» исчезла и советская литература — прекращается процесс. И ни одна из литератур от этого не выиграла — влияние потеряли все вместе. Конец

80-х — начало 90-х — период книжно-журнального бума, высветивший истину, что «можно рукопись продать» — можно и купить! 1987-й год — вторгается новая действительность, дикая — с реальной кровью. Два мира, два полюса формируются в литературе: национал-патриоты, консерваторы — либералы-демократы, либеральная интеллигенция, ярые антисталинисты. 1989-й год — год гражданской войны в литературе, обозначивший блоки и группировки. 1990-й год — полноценный триумф Солженицына. Все журналы сосредотачиваются на одном авторе! Ничего подобного русская литература со времен пушкинского гения не видывала! Воистину — поклонение реабилитированному. Ну, что тут можно сказать: то мы были родом из Октября, напрочь забыв о том, что наши корни гораздо глубже, забыв о существовании империи Российской, то теперь у большинства оказались корни дворянские, от самих Рюриковичей идущие, или все славяне родом из ВКЛ, как в Беларуси. И были ли вообще племена славянские? Год Солженицына парадоксально обозначил конец истории мессианства. Противоречивая фигура Солженицына неприкосновенна; например, любопытнейшая книга И. Моисеевой «Синдром Солженицына» осталась незамеченной, поэт и литературовед попыталась показать и доказать, опираясь на массу авторитетных источников, взяв за основу рассказ писателя «Матренин двор», что все же он во многом, а главное в принципиальном моменте эстетического вопроса отстает от реальной правды жизни, искажая сами исторические факты. Но посягать на имя великого никоим образом нельзя. Ясно, что литература наша переживает ломку. «Опять всплыло старинное правило: выше коллежского асессора чинов не трогать!» — иронизирует на сей счет А. Яшин. 1991-й — год кредита свободы. 1993-й — год конфликтный. Разобщенность в писательском лагере. Литературный процесс мельчает, дробится. Теряется нечто главное, сам модус поэзии и прозы. Неслучайно в 1994-м году Е. Евтушенко с горечью заявит во всеуслышание: «Была цензура, сходная с душьем. / Она, казалось, изгнана взащей. / Но вот пришла цензура равнодушьем / и в чем-то оказалась пострашней».

Стоит заметить, что в своем романе А. Яшин, сокрушаясь о потере нравственных ценностей, в то же время сокрушается и об отсутствии объективной цензуры. Ничего парадоксального здесь нет. Профессионалы от цензуры на корню пресекали дилетантизм. «В лихоимные «90-е» некоторые ударились в сочинительство историко-порнографических опусов», — с сожалением напишет он. На сцену бытия, которую заняли активно юмористы и сатирики, вместо серьезных писателей вышли певцы запретных тем — от социальных до эротических. Ну, и бандит — ведущий герой прозы перестроечного и постсоветского периода. Любовь к литературе вдруг проявилась в игре во всевозможные премии, каких только не появилось на свет, она отчетливо зазвучала в бесконечных вечерах и презентациях, утонула в банкетах и фуршетах. Увы, авторитет писателя просто стал сдуваться, как воздушный шар, в мире, где натура превышает самую культуру. «Писать, тем более читать, им недосуг», — ремарка А. Яшина о новомодных «поэтессах-зайчихах», коих развелось немерено, тогда как «надежды на серьезного и вдумчивого читателя давно исчерпаны». Расцвела дурная публицистичность, дешевая беллетристика заполонила книжные прилавки и полки библиотек. Границы между литературой и псевдолитературой размылись — люди в футлярах стали героями нашей жизни. Новое поколение литераторов лишилось не только почитателей, но и реальных читателей. Чтение как эликсир бессмертия утратило свою магическую силу. Быть, говорить, иметь лицо, имидж стало важнее, чем сидеть за письменным столом и писать. Издавать книги стало популярно на пустом месте, а издав, раздарить родственникам, близким знакомым. А ведь писателя должны читать, а не бесконечно слышать или видеть. Западники и славянофилы, либералы и «патриоты» заняли свои ниши в литературно-художественных журналах, рейтинг которых вначале перестройки взлетел неимоверно. Появилась и третья сила — андеграунд — модернизм, постмодернизм — пресловутое новаторство, от которого теперь

не отмахнешься и которое уже прочно заняло свое место в литературном процессе. Впрочем, у каждого свой лагерь, и у каждого свой опыт.

Книга «Житие наше оцифрованное» стала поводом поразмышлять о вещах крайне важных, о выборе и поиске собственных жизненных ориентиров, неотделимых от правильного выбора и магистрального курса общественного развития страны. Так ли необходимо порой разрушать старое, чтобы двигаться дальше? Почему это новое не может быть базисом, надстройкой уже имеющегося прочно выстроенного фундамента? Начиная с нуля, мы многое теряем в движении вперед, отстаем во времени. Философы: Флоренский, Розанов, Бердяев, Хомяков совершали непрерывный анализ постоянных российских стремлений к социальной справедливости путем реформ, революций, путем последовательных законов развития. Имперское сознание или ирония судьбы России дали о себе знать: 2015 год ждатель не заставил — оглушительный рейтинг Сталина — Стальной Барс и в романе А. Яшина позиции свои никогда не сдает! Правда, как всегда, одно маленькое мажорное «но». Вопрос цены, коварный, разьедающий до червоточины душу, не дает покоя. «Проклятые» вопросы жизни и литературы, свободы и диктатуры, хаоса и революций до сих пор остаются без ответа.

Сугубо русские метаморфозы неотделимы и от вопроса смысла, места и роли писателя в России. «Где заканчивается профессия, оттуда уходит мастерство <...> человек превращается в безымянный винтик <...> глобальному человеичнику писатели не нужны», — тут не поспоришь с А. Яшиным. Великая литература никогда не была равнодушна к страданиям, к «униженным и оскорбленным», которые тоже, как оказывается, ближе, чем «богатые», которые «тоже плачут». В романе и в жизни сошлись «высокий трагизм и пошлый водевиль», явив нам воочию вместо Кастальского ключа копию, жалкую подделку, замененную обычным водопроводом, как и все в нашем непредсказуемом бытии. Аллегории?! — возразите автору и будете в чем-то правы. Но природу человеческую не изменить, не сломать. «Страсть, голод, зависть, власть — вот что во все века двигало человеком! И высшая цель — блаженство! Коммунизм — тоже блаженство. Великий соблазн и обман», — пишет прозаик Е. Шишкин в книге «Правда и блаженство». Осмысливает эволюционный процесс и А. Яшин, прискорбно отмечая то, что «Христовая мораль заменяется ветхозаветной моралью Истории»: «История же повелевает незримо надо всеми и вся: Христом и Князем, душами и телами, великой свободой духа и невероятным рабством воли, честностью и предательством...» Кастальский ключ — тоже блаженство, творческое и интеллектуальное, блаженство созидания, не терпящее суррогатов.

Третье тысячелетие поглощает человечество катастрофическим отсутствием смысла, где каждый из нас воспринимается лишь в качестве биологического материала. Останется ли человек смыслом истории? Литература, заключающая в себе и возрождение, и распад, как целостная наука о человеке, утрачивает свою силу и влияние, теряется ведущая роль книги в жизни общества. И писатели — уже не «инженеры человеческих душ». Природа же пустоты не терпит, заполняя свободное пространство модернистскими архетипами. Критик Н. Ягодинцева, говоря о месте и роли литературы в России, выводит термин синдрома рандомной ризомы — хаотичных, случайных связей, срезающих до корневища ценностно-смысловую иерархию. Именно потерю смыслов тяжело переживает автор и герои романа «Житие наше оцифрованное», когда «в человеичнике исчезнет надобность, наличие» писаря как результат Великого глобализма. Эпоха ревизии христианских ценностей, в которую мы вступаем, может обернуться против нас же самих. Об этом гениально предупреждал и Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» — христианин, человек, ходивший пред Богом, пророчески чувствовал грядущее. Он видел смысл жизни в служении человечеству, унижение себя и своих героев пред образом Христа — это был путь свободного принятия Истины. Не так ли и Бог умалил, истощал, уничижал себя, став обычным человеком?

Великие страсти и великие искушения, Великий инквизитор и Великий глобализатор, Антихрист или идеал нравственного человека по Христу?! Вселенское противостояние нарастает. Какой же колоссальный интеллектуальный и нравственно-философский ресурс как вызов процессу глобализации может противопоставить Россия? Русская идея, говоря словами И. Ильина, «выражает русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание»; она воплощает то, чем русский народ «прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов». Стоит задуматься. И вспомнить того же Н. Лескова. Ведь Россия могла бы стать лидером в разработке этого мирового проекта, лидером прежде всего интеллектуальным. Экономически, может и ошибаюсь, проигрываем, если окончательно не сдаем позиции некогда могучей Державы.

4

«Место слова заняла цифирь»

*Возврат к национальной традиции —
Вот истинная новизна для нашего времени.*

Г. В. Свиридов

Как видим, непросто нынче человеку в поисках смысла в современной литературе, а писателю крайне сложно создавать эту совершенно иную реальность третьего тысячелетия, включая и колоссальный объем прошлого, и анализируя настоящее, и предвосхищая будущее. Выдерживает ли наша сегодняшняя литература сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова, Носова, авторами, расцвет таланта которых пришелся на вторую половину XX века? Способно ли нечто в современном творчестве поразить так, как способна и сегодня поразить воображение судьба поэзии, скажем, того же Рубцова, заплачем ли над каким-нибудь произведением модернизма, как можем невольно заплакать над стихами М. Лермонтова? Творчество перестало быть служением, постмодерн ставит человека не пред Богом, как ставил своих героев и себя всемирно признанный писатель и пророк Ф. М. Достоевский, а перед собой. Суть вещи — диаметрально противоположные. Так и в новелле А. Яшина «Французский синдром или новые луддиты» достопамятный нам профессор Скородумов рассуждает о пагубном влиянии компьютеризации на человека, на его логику мышления, что выхолащивается по А. Зиновьеву, исходя из его модели «роботированного человежника».

Самое печальное — потеря родного языка в нашей грубой «исконно-посконной» действительности. Посконная духовность, кровное, святое не должно мириться с техническим прогрессом, напроць уничтожающем великий и могучий русский язык. «Единый зомбированный человежник» с его компьютерным мышлением, «придатком роботированного интернета», сплошь и рядом заполняет окружающее пространство американской терминологией. А тем временем герои романа А. Яшина отдают предпочтение незасоренной иностранными фразеологизмами речи. Интернет же воспринимают не более как средство коммуникации, быстрой информационной помощи, не забывая о том, что сия мутная информативная среда полна ошибок и неточностей. Основной ее минус — собственное мышление почти не участвует в познавательном процессе, работая «на малых оборотах», оно уже не обладает объективным мировоззрением и способностью к логическому мышлению. Возможно ли противостоять данному интернет-влиянию? Неужели мы когда-нибудь забудем, что литература — это текст, написанный личностью?! Поле интернета ужасает катастрофической безграмотностью. Ссылаясь на Запад и кивая в его сторону, мы сами в первую очередь уничтожаем наше полноценное образование, собственную культуру и собственный

язык. Не секрет, что на том же Западе к своей культуре относятся гораздо бережнее и внимательнее, никому слепо не подражая и не угождая, как это делаем мы, поощряя раболепие, ложь и фальш. Страх российских чиновников и откровенная ненависть к отечественной литературе с ее «божественным глаголом», призванным «жечь сердца людей», отрицание чуждых им глаголов «вечной жизни» проводит все больший водораздел между властью имущими, не видящими прямой надобности в культуре, и простым народом, упорно ищущим точку опоры в своих забытых историей национальных корнях.

Обратимся к самому предмету языка. Что характерно: у автора личная человеческая, гражданская позиция мастерски сочетается с оригинальным, хорошо рассчитанным ходом письма, увлекательным повествованием, сочным лукавым юмором, сдобренным поразительно богатым и красочным языком. Разве не похожие краски мы находим у Толстого, Салтыкова-Щедрина, Лескова. «Этот язык... — писал Н. Лесков, — подслушан у мужика... — Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному». Невероятно близок к народному языку и А. Яшин, его речевое своеобразие возвращает читателя к утерянному русскому языку, а богатая речь героев романа и самого автора вызывает восхищение знанием и сохранением устного творчества народа, создающего разительную альтернативу Интернету. Значит, еще не забыты на Руси и Даль, великий знаток народной языковой Вселенной, и Тургенев с его чистотой речи, никогда не употреблявший иностранных слов, и Белинский, призывавший к «здравомыслию и здравовкусию» в употреблении «заемной речи». Сегодня опять на Руси пытаются воцариться местечковый хам с жаргоном. Надо отдать должное Я. Яшину как патриоту чистоты русского языка, ведь в силу характера новаторского языка автора его роман, изобилующий образной фактурой речи, тоже можно считать новаторским среди литературы, порой полностью игнорирующей правила и законы языка.

Отступление в плане особенностей языка авторского письма не мешает нам и далее погрузиться в чтение романа, останавливаясь на новелле «Ветер западный, оцифрованный...», не мешает с явно доброжелательным любопытством заглянуть на уютную кухню к нашим героям, а даже наоборот вслушаться к их речи, где они за обильно накрытым столом отмечают годовщину сталинской конституции. Встреча старых друзей имеет особенность по традиционному русскому обычаю затянуться, тем более что тема беседы, как всегда, глобальна: уничтожение гуманитарного мышления компьютерным, расчеловечивание человека, проблемы биосферы и ноосферы, определенные ученым и философом-космистом В. И. Вернадским. Оцифрованное мышление с его механистичностью уничтожает и тот же рукописный текст, надобность в нем отпадает, а ведь рукописание, письменное слово литератор усваивает лучше. Нарушается предопределенная самой природой заданность социального единства. Философ Н. Лосский всеобщность органического строения мира, знания и суждения, которые есть необходимая связь, тесно соединял и со связью индивидуума со всем миром. Это некий универсум, в котором «все имманентно всему», все существует во всем, целостно и нерушимо.

Весьма любопытна и новелла «Константиновский Рублевик на Шелковом пути. Из жизни коллекционеров» — по своим интонациям — это чисто лесковское произведение. Ох, не умеем мы свое, исконное, ценить, завещанное нам предками, а тем паче это свое создавать и беречь, в силу инертности или лени предпочитая пользоваться чужим. Причем итог одинаков и в экономике, и в литературе: «Нам в департаменте литераторы не нужны, нам нужны исполнители», — высказывание чиновника от культуры, которое приводит автор, — вот оно веяние времени, роботы-винтики, ни творчества, ни Кастаньских тебе ключей, ни вдохновения жизни. В книге «Русская мысль и человечество» (Калининград, 2020) писатель и публицист Л. Довыденко в

беседе с одним из героев очерка пытается выяснить и найти русские корни китайского чуда, обращаясь к экономической теории Н. Бухарина. Параллель занятная. Ведь и А. Яшин достаточно часто исследует в своих произведениях китайский феномен. Конфликт Бухарин — Сталин известен. Крылатая фраза Бухарина: «Нищий социализм — это паршивый социализм», — облетела весь мир. Что не помешало Сталину, искоренявшему частнособственничество, уничтожить 20 миллионов кулаков — самого эффективного класса крестьян. Однако история — вещь непредсказуемая. Вступив на путь «дикого» капитализма, Россия не вспомнила о Бухарине, а ведь было самое время, как всегда, недосуг, шла поголовная приватизация всего и вся, зато Китай заинтересовался наследием экономического теоретика, как без той же очередной революции и смены строя достичь индустриальных результатов. Дэн-Сяопин целый этаж в институте марксизма-ленинизма отвел на изучение бухаринских трудов. Массовое изучение и распространение этой теории — основа «китайского чуда». Думаю, вдаваться в подробности не стоит.

И все же у истории к литературе свои вопросы и свой счет. Кто здесь против кого? К примеру, оригинальны и необычны оценки мыслителя и публициста И. Солоневича, как и А. Зиновьева, запрещенного в СССР. Он считал, что русская литература всегда была «оторвана от действительности», во многом являясь скрытой причиной тех же революций. Писатели-классики, постоянно говорившие о «таинственности славянской души», не придавали значения тому, что русский мужик, прежде всего, — деловой человек и трезвый человек. В буквальном смысле слова. По душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Дело русского крестьянина — дело маленькое, но это есть дело. А. А. Яшин — и сам потомок калужских мужиков-землепашцев, читая его роман, мы убеждаемся, что творческий облик писателя неразрывно связан с особенностями его биографии. Автор не пропускает ярких, характерных эпизодов и деталей. Мужик был умнее Бердяевых, так как жил в мире реальных вещей. Бездельники и отвлеченные диванные мечтатели не могли создать империю на 1/6 части земной суши. И факты истории, по мнению И. Солоневича, в чем убеждает и роман «Житие наше оцифрованное», неоспоримы — слабый народ не мог построить великую Империю.

Вполне неслучайна и завершающая новелла в романе А. Яшина — «Отголоски ленд-лиза». Она приурочена к 105-летию начала практики ленд-лиза в мировых войнах. Финал новеллы озаглавлен сокрушительным потоплением фанерных американских торпедных катеров как последнего отголоска ленд-лиза. Нечто пророческое. Что дальше? «В России нужно жить долго, тогда что-либо получится», — знал хорошо особенности русского бытия К. Чуковский. Впрочем, не легче жить и во времена великих перемен! Дальше-больше — новая угроза — глобальное расчеловечивание, что не может не наложить свой отпечаток и на литературу, теряющую ведущую роль в обществе, благодаря переходу от творческого мышления к унитарно-цифровому, компьютерному мышлению. Ни герои романа «Житие оцифрованное», ни его автор не хотят отказываться от национальных чувств любви к Родине, ни от «посконно-домотканного» взгляда на мир, гармоничного и при этом солидарного с острым блоковским геополитическим чутьем. Внутреннее преобразование человека и технический прогресс — неразрешимая дилемма бесконечных разговоров на страницах книги А. Яшина, которые имеют уникальное русское свойство затягиваться у наших героев допоздна на гостеприимной кухне и совсем не за одной рюмкой выпитого, что никоим образом не умаляет их интеллектуальной важности для понимающего и вполне солидарного с ними читателя.

Автор дает понять нам: мы не только свидетели, подойдя вплотную к ее истокам, но уже и в какой-то мере участники битвы человека с постчеловеком. В книге Л. Довыденко «Русская мысль и человечество», в очерке об Н. Арсеньеве, современник и друг философа Г. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент чело-

вечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Н. Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преобразования. Выбор один: Апокалипсис или преобразование. Русская литература, вобравшая в себя всю глубину национального духовного опыта, должна вернуть его традициям. Еще Г. Успенский говорил о актуальной логике идей девальвации человеческого в постмодернизме.

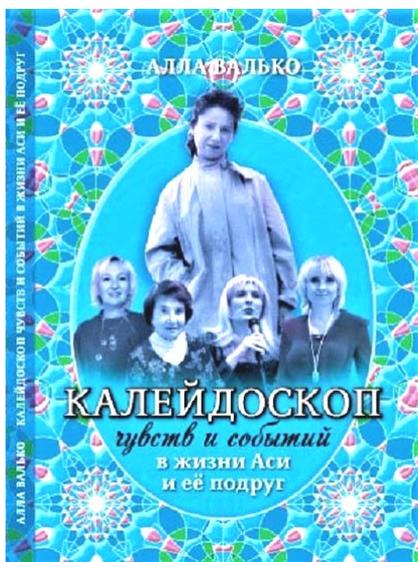
Есть ли идеальная формула русской жизни для А. Яшина? Он пишет об этой драме человечества, сознательно избирающем роль потребителя в глобальном рынке. Человек уничтожает биосферу, не сохраняет, а значит не может и заниматься переходом ее в высшее состояние — строительство ноосферы, допускающей при разумном эволюционном и техническом подходе сохранить место и для человека. Что такое сегодня писатель в мире караоке и депрофессионализма? Писатель в противовес происходящему должен делать добро и должен не дать победить искусственному. Именно литература призвана остаться целостным феноменом осмысления жизненных явлений. При всем трансгуманизме нельзя утратить русскую художественно-философскую мысль и русскую литературу. Реальный художник в конечном итоге выбирает не путь однодневного плаката, а долгий путь вдумчивого живописца, путь русского Слова — русского глагола.

Алексей Яшин к проблемам современности подошел с глубоким психологизмом, не просто художественно, но и онтологически с точки зрения познания как исследователя социально-этических проблем. Темная сторона цифровизации не закрывает в «Житии нашем оцифрованном» и надежды на лучшее! Ведь этот противоречивый мир, такой необходимый всему человечеству, вместе с героями Алексея Яшина создаем и мы с вами! И в жизни, и в литературе торжествует человек, его совесть и его разум, воедино соединенные с Божественным и вечным!

От редакции: в электронном виде книгу Алексея Яшина «Житие наше оцифрованное» см. на сайте www.pz.tula.ru

О КНИГЕ АЛЛЫ ВАЛЬКО «КАЛЕЙДОСКОП ЧУВСТВ И СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ АСИ И ЕЕ ПОДРУГ»

Новый проект известной российской писательницы Аллы Валько «Калейдоскоп чувств и событий в жизни Аси и ее подруг» носит одновременно художественный, автобиографический и публицистический характер. В книге отражены практически все сферы жизни и духовного внутреннего мира женщины, находящейся в материальном и довольно суровом окружающем мире. Здесь мы находим всего понемногу: несостоявшуюся любовь, проблески мимолетного и от этого немного грустного счастья от любви состоявшейся, страдания от утрат, разочарование в некоторых людях или, напротив, теплую и долгую дружбу, и в конечном счете философскую оценку автором «встреч на узких перекрестках мироздания»*.

Мы знакомимся с рассказами и миниатюрами, полными тонкого юмора, иронии и, что характерно, самоиронии. Все это придает осо-

бый оттенок, без которого «радуга» книги Валько была бы неполной. Если рассматривать книгу в целом, то, на мой взгляд, она в самом широком смысле о том, как нелегко обрести счастье женщине, насколько это вообще возможно, во все времена. И поскольку творчество Валько носит вневременный характер, а сущность человеческих взаимоотношений в России (и в прошлом в СССР) остается почти неизменной на протяжении одной человеческой жизни, полагаю, сюжеты, отраженные в книге, вполне соответствуют реалиям сегодняшнего дня.

Одна из примечательных особенностей мастерства Аллы Валько как рассказчица — ощущение присутствия автора при чтении книги. Писательница неторопливо, с налетом легкой и светлой печали рассказывает простые по форме и одновременно сложные по содержанию житейские истории. При этом ей удается простыми и понятными словами донести суть серьезных и глубоких вещей, событий и явлений. Доверительная беседа с мудрым собеседником — вот, пожалуй, одна из характеристик, которую в числе других можно дать этой работе. Дело еще и в том, что некоторые ситуации, описанные в книге, случаются в жизни многих людей, а раз так, то они не могут не волновать в разной степени того или иного читателя.

Весьма интересны и познавательны рассказы о продолжительной любви либо мимолетной влюбленности, об испытании чувств временем и обстоятельствами. Эти работы-воспоминания одновременно и о том, что если человеку удастся периодически виртуально возвращаться в минувшее, прожитые годы представляются более яркими и насыщенными. Такого рода воспоминания приобретают особую значимость с течением времени еще и потому, что касаются не только одного человека, но и тех, кто был когда-то рядом («На ваш вопрос непременно придет ответ»). Поразительна способность автора в объеме одного небольшого рассказа проследить почти целую жизнь и судьбу своих героев. («Позднее раскаяние», «Кларнетист», «Военпред» и др.)

В центре большинства историй исследование и осмысление характера взаимоотно-

* В. Высоцкий «Баллада о Любви»

ношений мужчины и женщины, а также других людей — родственников, друзей и прочих «попутчиков». Часто это печальная и вместе с тем реалистичная история, вобравшая в себя всю палитру красок жизни, ее скоротечность и неповторимость. Впечатляет легкость подачи материала и его восприятие. Повествование протекает легко, плавно и одновременно заставляет задумываться о сложных и порой неразрешимых вопросах, которые то и дело ставит жизнь.

Эта творческая манера и подходы к решению художественных задач хорошо прослеживаются в рассказе «Секс по расчету». Продолжительный по времени пласт жизни во всем ее многообразии литературно оформлен в сравнительно небольшой объем. Встреча, первоначальное смутное чувство симпатии в сочетании с деловыми отношениями, интимная близость Анны и Василия Ивановича, которая все же не перешла в близость душевную...

Подобная сюжетная линия, раскрывающая отношения мужчины и женщины, которым не суждено быть вместе, представлена также в рассказе «Мост, оставшийся на бумаге».

Книга оставляет очень хорошее впечатление и, самое главное, позитивное «послевкусие». Чувствуется, что Алла Валько не просто красиво и талантливо излагает свои мысли, а лично пережила многие из представленных в книге ситуаций. Жизненная мудрость заключается в том, что автор сердцем воспринял все то, о чем пишет, а это преобразуется в очень сильный энергетический заряд, который обязательно доходит до чувственного и эмоционального мира потенциального читателя.

Разумеется, этот отзыв не охватывает всего спектра вопросов, проблем и жизненных коллизий, описанных в издании, поему рекомендую читателям самим прочитать эту книгу и сделать для себя собственные выводы. Мне представляется, что книга рассчитана на вдумчивого, обладающего определенным жизненным опытом читателя с положительным восприятием окружающего мира, но в общем и целом будет интересна самой широкой читательской аудитории.

Подробно с книгой можно познакомиться на сайте «Литературное имя»:
http://litname.ru/avt_84890076&kng-4590

*Евгений Скоблов,
г. Москва*

ВОСХОЖДЕНИЕ

Сколько себя помню, меня всегда интересовали и восхищали люди, которые в своей жизни и творчестве достигли значительных высот. К одним из таких людей относится известный тульский писатель Яков Наумович Шафран – член Академии Российской литературы, Союза писателей – переводчиков МГО Союза Писателей России и Российского Союза писателей, лауреат многочисленных литературных премий.

Недавно в Московском издательстве «Новые Витражи» из печати вышел его роман «Восхождение»*, рассказывающий об отношениях между людьми, семье, одиночестве, о вере и любви, о подлости, измене, предательстве, жажде обогащения, клевете и насилии. И как пишет автор — «это роман о жизни во всех ее психологических аспектах».

Читая роман, мы видим, что многие герои проникнуты до глубины души предрассудками и заблуждениями. Но человек сам должен находить свою истину, свою цель в жизни, веру и счастье, как это делает главный герой романа Иван Бескрайнов. Он мучается над традиционными и для нашей литературы вопросами о неустроенности жизни, неясности будущего. При этом каждый человек, подчеркивает автор, должен учиться сам, постигая уроки жизни, в первую очередь, слушая свое сердце. А у тех, кто этого не понимает, жизнь протекает мимо и сами они ни в чем не становятся лучше.

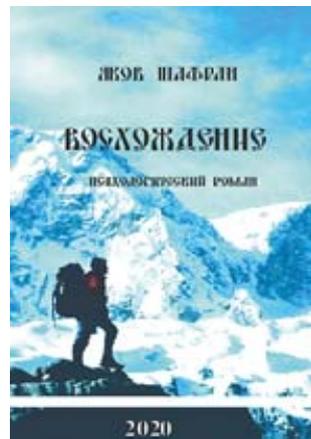
Мы видим, что счастье каждый персонаж воспринимает по — своему. И в разные моменты жизни придает ему разные смыслы. Каждый сам для себя определяет его значение.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей. Он стремится раскрыть внутреннее развитие своих персонажей. Психологически тонко и убедительно Яков Наумович воссоздает облик главных героев книги — Ивана Бескрайнова, Виктора Светоногова, Надежды Черновой, Боброва, бабушки Раисы Никифоровны, Виктора Быстрова, священника отца Сергия, Анастасии, Ларисы. Но человек – это загадка, ведь каждый проживает свою жизнь, отличную от других. Образы героев романа имеют ярко выраженные гротескные черты. Здесь происходит столкновение различных мировоззрений. Но для писателя важен не социальный, а нравственный конфликт.

Каждая ситуация рассказывается со всеми деталями и очень подробно. Сюжет и прост, и сложен одновременно. Он пронизан болью, душевными муками и переживаниями героев.

В романе мы встречаемся «с обычными людьми, участвующими, правда, в не совсем обычных событиях, столкнувшись с не совсем обычными обстоятельствами, с их внутренним миром... А людские чувства и поступки, развитие людских судеб выражают порой развитие судеб более высоких общностей, так как в малом отражается большее, а в большем – малое. Все взаимосвязано» (Я. Шафран).

В обществе культивируется распушенность, цинизм, пошлость и жестокость. Произошла подмена понятий и ценностей. Одним из отрицательных персонажей в романе показан Виктор Анатольевич Быстров. К Быстрову можно применить слова Омара Хайяма: «Чем ниже человек душой, / Тем выше задирает нос. / Он носом тя-

* С романом Якова Шафрана «Восхождение» можно познакомиться на сайте «Приокских зорь», перейдя по ссылке <http://www.pz.tula.ru/b2020/b2020pub1.pdf>

нется туда, / Куда душою не дорос. / Мы видим как легкомысленное отношение к жизни разрушает его личность и сеет ложь.

Написанная Яковом Наумовичем картина наполнена большим философско — нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди», говорил А. П. Чехов.

Мудрые советы писателя щедро рассыпаны по страницам произведения. Оптимизм, талант и доброта – основные составляющие его творчества.

При этом творчество Я. Н. Шафрана проникнуто религиозным мистицизмом, смутным стремлением в сверхчувственную область, полную чудес и неразгаданных тайн. Вера придает его творчеству духовную глубину. А духовность, как тончайшая энергия, связывает с Высшим Миром. Чувство Божественного и беспредельного наполняет его сердце. Для писателя на первом месте стоит внутренний мир человека, его душа. Идея Божественного света, которым наделена человеческая душа, составляет основу его миропонимания. Автор старается заглянуть за грань реальности и открыть читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «Высшего смысла».

В романе семьдесят глав. В них отражены глубокие раздумья над вечными тайнами жизни, над загадками человеческого бытия. И все они написаны чистым, прекрасным языком, отличающимся особенной проникновенностью и тонким лиризмом.

Книга показывает, что в принципе писатель остался верен своей манере. Текст выполнен в русской прозаической традиции. В нем заложено глубокое чувство торжества добра и света.

Природа — активная действующая сила, находится в вечном движении, развитии, обновлении. Тонко чувствующий и необыкновенно восприимчивый, писатель с удивительным подчас мастерством улавливает биение пульса жизни и в очеловечивании природных явлений. Человек и природа в его творчестве неразрывны.

А пейзаж полон глубокого смысла, создает определенное настроение. В нем часто стирается грань между изображением природы и переживаниями героев.

Автор не идет на поводу общественного мнения и не питает иллюзий. У него своя логика, подвластная только ему. Он склонен к резкой смене настроений, интонаций, ищет гармонии во всем: в себе и в мире. Чувствуется тяга к положительному и потребность в идеале. И эта мысль путеводной нитью проходит через его творчество.

Новая книга написана интересно и убедительно, а все главы связаны одной общей нитью. Мы ощущаем в них искренность и силу чувств.

Яков Наумович — самобытный и талантливый писатель со своим творческим почерком. Острый и ясный ум, художественный вкус составляют в нем единое целое. Очередным подтверждением высокого уровня его таланта и является роман «Восхождение».

Конечно, роман немного назидателен, но в меру. В нем сильны исповедальные интонации, ярко выражена борьба противоположностей. Читается с увлечением, у его автора легкая рука.

*Евгений Трещев,
г. Щекино Тульской области*

«НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ПОЭТОМ»

На вопросы Николая Тимохина согласился ответить многократный лауреат всесоюзных и всероссийских конкурсов и фестивалей эстрадной песни, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства, член правления Международного союза деятелей эстрадного искусства, поэт-песенник, песни на стихи которого есть в репертуаре звезд эстрады: Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Вячеслава Добрынина, Софии Ротару, Ирины Понаровской, Сосо Павлиашвили, Михаила Боярского, Николая Караченцова, ВИА «Самоцветы», «Веселые ребята», «Пламя», группы «На-На» и многих других, Михаил Зеликович Шабров.

ТИМОХИН. Здравствуйте, Михаил Зеликович! Названием этого интервью послужили ваши слова: «Я не считаю себя поэтом, потому что всегда пишу от имени исполнителей», и ссылались при этом на ваше творческое взаимодействие с Софией Ротару. И все же, если вы не поэт, тогда кто же? И кого вы можете выделить из современных поэтов в России? И вообще, есть ли таковые?

ШАБРОВ. Я — поэт-песенник. И, по-моему, единственный из тех, кто пишет стихи для песен и который так себя называет. Выдающийся мастер песни Леонид Дербенев, например, терпеть не мог, когда о нем говорили как о поэте-песеннике. Меня же это нисколько не смущает.

Чтобы было понятно... Работая с Софией Ротару, мы с композитором Владимиром Матецким искали темы для песен, которые бы совпадали с личностью певицы, ее сценическим образом. Естественно, стихи писались от ее имени. В этих песнях ее души и чувств гораздо больше, чем моей. Достаточно вспомнить «Хуторянку» или «Диких лебедей». Кроме того, почти все стихотворные тексты для Ротару, включая «Лаванду», «Луна, луна», «Было, но прошло», были написаны на уже готовую мелодию, и — внимание! — в этом ключ к пониманию того, что отличает Поэта от Поэта-песенника.

Настоящего поэта можно узнать по интонации. Он «пишет, как дышит», поэту-песеннику, особенно в тех случаях, когда он пишет стихи на уже готовую музыку, это «дыхание», эта интонация предоставляется готовой. Кроме того, поэт-песенник должен использовать в работе над песней лексику, речевые обороты, которые находятся в полном соответствии с личностью исполнителя.

Далее, песенные стихи воспринимаются, в первую очередь, на слух, поэтому они должны запоминаться чуть ли не сразу. В обойме песенного текста должны быть обязательно одна, две фразы, которые в сознании слушателя запечатлевались как следы на снегу.

Стихи для песни создаются обязательно по закону драматического произведения, т.е. в них должна быть экспозиция, завязка и развязка. Именно благодаря этим особенностям песенного жанра я и стал драматургом. Я написал либретто 19 музыкальных спектаклей для детей и одного мюзикла «Сизимок и Бабинук», за который и получил лауреата Пермского края.

И последнее. У поэта, пишущего стихи, нет необходимости практически каждый раз загонять себя в куплетно-припевную форму и также каждый раз укладывать содержание стихотворения в 3—4 четверостишия. Поэт абсолютно волен в своем творчестве.

К сожалению, не могу не сказать об этом, последние четверть века ввиду полного отсутствия художественной цензуры, уничтожения института редакторов, и не только поэтому, наметилась четкая тенденция графоманизации эстрадной песни. Впрочем, об этом совершенно замечательно написал Валентин Гафт в стихотворении, посвященном Юрию Визбору. Там есть такие строки:

*Попса дробит шрапнелью наши души.
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколения выросла на чуши
И новое рождается в бреду.
Слова — ничто! Есть вопли вырожденья...*

И так далее. Думаю, что и этого достаточно.

...Настоящих поэтов в России всегда хватало. И, как мне кажется, интерес к подлинной поэзии начинает возрастать.

В конце прошлого года я познакомился в Доме кино с 15-летним поэтом Олегом Печерниковым. Стихи он пишет с 7 лет. У него уже вышло, если я не ошибаюсь, три сборника стихов (слава Богу, что мир не без добрых людей.) Вот у него уже есть своя интонация. И он не представляет своей жизни без поэзии. У Олега трудная и драматичная судьба, и во многом благодаря увлечению поэзией, он сегодня живет полноценной жизнью. Как подметил известный канадский композитор, музыкант, певец Леонард Коэн: «Поэзия — это доказательство жизни. Если твоя жизнь пылает, поэзия — ее пепел». Жизнь Олега сегодня пылает. Как он сам написал в одном из стихотворений, когда ему было 12 лет, «я не могу жить без стихов своих! Все мои мысли — это вдох, а выдох — стих».

Те, кто захотят познакомиться с творчеством Олега, легко найдут его стихи в интернете.

ТИМОХИН. Вы филолог по образованию. Хотелось ли вам когда-либо работать в школе? Как вы оцениваете современную систему образования? И как обучить народ грамоте?

ШАБРОВ. Последний вопрос явно не ко мне, потому что никогда не был специалистом в области организации учебного процесса. К тому же считаю, что начальной грамоте народ обучен. Другое дело, как я оцениваю современную систему образования в России.

Лично мне она не нравится. Я считаю, что мы напрасно отказались от академического метода преподавания, принятого в советской школе,— одной из самых лучших в мире. И это уже не только мое мнение.

Мне не нравится ЕГЭ. Мне не нравится (просто в ужасе!) от того, что сокращаются часы на изучение русского языка, литературы. Школьники не умеют писать сочинения. Это значит, что они не умеют думать, анализировать, делать выводы. Это значит, что из него никогда не получится высокого класса специалист, да и просто специалист. Становится не смешно, а грустно, когда читаешь ответ школьника на традиционный после каникул вопрос: «Как я провел лето?»,— «Интернет, еда. Все». И это тоже издержки современного образования.

...Для того, чтобы работать в школе, нужно иметь педагогический талант и терпение. Ни того, ни другого у меня нет. Я это понял давно, поэтому счастлив тем, что на моей совести нет ни одной искалеченной детской души.

ТИМОХИН. Вы участник многих памятных телевизионных фестивалей «Песня года» еще в советские времена. Это фестиваль и сейчас продолжает свою традицию, только сильно отличается от предыдущих.

Как вы относитесь к нынешним лауреатам этого фестиваля? Не хочется ли вам в душе покритиковать их песни? Или, быть может, вы считаете это новым веянием в музыке?

ШАБРОВ. В ответ могу лишь только продолжить цитировать Валентина Гафта.

*Слова ничто! Есть вопли вырожденья.
Тот знаменит, кто больше не здоров,
Кто выйдет петь без всякого стесненья,
Без совести, без страха, без итанов.
Где песня, чтобы спеть ее хотелось,
Слова где, чтоб вовеки не забыть?
Ну что горланить про кусочек тела,
Кто, с кем когда-то хочет жить!
С телеэкрана, как из ресторана,
Для пущей важности прибавив хрипотцы,
Они пудами сыпят соль на рану,
Как на капусту или огурцы.*

Мне кажется, что с помощью Валентина Гафта я дал исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Единственное, что я могу уточнить, а не добавить, телевизионный фестиваль «Песня года» напрочь ушел от традиций, которые в нем существовали. Он перестал быть фестивалем авторов песен (композиторов и поэтов), как это было в советское время, он перестал быть фестивалем, представляющим песню во всем ее жанровом разнообразии, он стал фестивалем узкого круга исполнителей и отчасти авторов, приближенных к руководству художественного вещания федеральных каналов. По большому счету, почти все музыкальные телевизионные программы — это один большой корпоратив, где нет и не может быть, в силу отсутствия конкуренции, никаких новых веяний, тем более в музыке, где после того, как мы «похоронили» то, что называлось «советской песней» с ее яркой неповторимой мелодичностью и лиричностью, тихо плетемся в хвосте западного шоу-бизнеса.

ТИМОХИН. Как известно новое — это хорошо забытое старое. Ваши песни «Было, но прошло», «Хуторянка», «Луна, луна» будут слушать еще на протяжении долгого времени. А как творцам современных хитов надо так забыть старое, чтобы у них появилось непревзойденное новое?

ШАБРОВ. Старое забывать не надо. «Народ, который забыл свое прошлое, не имеет будущего». Сказано о глобальном, но и к музыке, и к песне имеет непосредственное отношение. Если я и достиг каких-то высоких творческих результатов, то это благодаря тому, что учился песенной поэзии у таких мастеров, как Леонид Дербенев, Игорь Шаферан, Михаил Пляцковский, Михаил Танич, Анатолий Поперечный. Мне повезло, я еще имел счастье общаться с ними. Без преувеличения — это и были мои песенные университеты.

Хуже ничего нет, чем Иваны, не помнящие родства. И творцам, как вы говорите, современных хитов нельзя забывать об этом.

Не знаю, но с моей точки зрения, ни один из молодых или среднего возраста композиторов не дорос еще до уровня Оскара Фельцмана, Марка Фрадкина, Эдуарда Колмановского, Матвея Блантера, Арно Бабаджаняна и, слава Богу, ныне здравствующих Александры Пахмутовой, Давида Тухманова, Максима Дунаевского и тех же Юрия Антонова и Вячеслава Добрынина.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, с кем из звезд советский эстрады, для которых вы писали свои хиты, продолжаете общаться?

ШАБРОВ. Я получаю удовольствие от общения со своей семьей, близкими друзьями, среди которых артисты, врачи, архитекторы, юристы...

Из представителей звезд советской, а теперь и российской эстрады исключение составляет Вячеслав Добрынин, с которым нас связывают узы многолетней дружбы, в том числе и творческой. В 2002 году я даже книгу о нем написал «Вячеслав Добрынин — Доктор Шлягер».

ТИМОХИН. Читатели нашего журнала «Приокские зори» мне не простят, если я у вас не спрошу про Софию Ротару. Вы так много и тесно сотрудничали с ней. Что вам особенно запомнилось в вашей совместной работе? Какие в ней были наиболее интересные моменты?

ШАБРОВ. Мы понимали друг друга с полуслова. Мы — это Соня, ее муж и музыкальный продюсер Анатолий Евдокименко, я и Володя Матецкий. Мы работали в удовольствие, а потому с азартом. Иначе ничего бы не получилось.

Ротару — великая певица. Помимо красивой внешности и богатого по силе и тембру голоса, она, как и все большие артисты, обладает экстрасенсорными качествами. Она умеет подчинить своей воле многотысячный зал.

Мне запомнился один из концертов Ротару в Казани, во Дворце спорта. Он был второй по счету в этом зале, который вмещал более пяти тысяч человек. Про аншлаг говорить не надо. Это само собой разумеется на концертах Ротару. Я стоял за кулисами, но близко к сцене. Мне сразу не понравилась атмосфера в зале. В ней чувствовалось напряжение, и я бы даже сказал какое-то противостояние с артистом, который должен был выйти на сцену.

Предчувствие не обмануло. Прозвучали первая, вторая песни... Обычно зал сразу заводился, а тут довольно скромные аплодисменты. «В воздухе пахло грозой». Во время проигрыша, звучавшего в третьей песне, в котором на первое место вышли солисты балета «Тодес», выступавшие вместе с Ротару, Соня подошла к кулисам. В ее глазах я увидел молнии. Она смахнула капельки пота со лба и, почти не разжимая зубов, сказала, обращаясь ко мне:

— Смотри, как я сейчас их сделаю!

Энергетический поток, шедший от певицы, сначала вдавил зрителей в кресла, а потом заставил взорваться радостными эмоциями, разом покончившими с противостоянием. Зрители сдались на милость победителя. Каждая следующая песня сопровождалась овацией. Концерт окончился, но зрители еще долго не хотели отпускать певицу со сцены.

...Дойдя до гримерки, она почти в полуобморочном состоянии рухнула на диван.

Думаю, за этот концерт она потеряла в весе несколько килограммов. Про здоровье я уже и не говорю. Триумф всегда стоит дорого.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, находите ли вы время на чтение? Что предпочитаете читать? И что порекомендуете молодежи?

ШАБРОВ. Конечно, нахожу. Отдаю предпочтение классике. Не так давно перечитал «Воскресение» Льва Толстого, «Мертвые души» Николая Гоголя.

Для меня почти настольной стала книга французского писателя Мишеля Уэльбека «Возможность острова». Я ее периодически перечитываю. Очень глубокая и умная книга, заставляющая задуматься о завтрашнем дне человечества. Контуры этого дня видны уже сегодня.

Из самых последних книг, которые я прочитал, перечитал — это «Лирика» Саши Черного, «Русские, или из дворян в интеллигенты» Станислава Рассадина, «Окаянные дни» Ивана Бунина и «Записки городского невротика» моего любимого режиссера и актера Вуди Аллена.

А что касается рекомендаций, тем более молодежи, то я не гуру, чтобы их давать.

Знаю только одно, если человек не читает книги, то он в своем развитии недалеко ушел от обезьяны.

ТИМОХИН. При упоминании Беларуси мне представляются Беловежская пуца, белорусские партизаны и ВИА «Песняры».

Михаил Зеликович, а что для вас Беларусь и чем она особенна?

ШАБРОВ. Я родился и вырос в Москве. Правда, вот уже 6 лет живу в деревне, но под Москвой. В общем, россиянин. Но... Чем может быть для меня Беларусь, если там родились, выросли и познакомились мои родители, если там родились и выросли мои родные дяди и тети, если там во время войны фашисты расстреляли моего деда?

И наша с женой невестка — из Пинска.

Я на генетическом уровне повязан с Беларусью. Об этом еще свидетельствует и то, что моими любимыми с детства блюдами являются картошка в мундире и, конечно, дранники со сметаной.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, наша с вами беседа стала настоящим сюрпризом не только для меня, но и для читателей журнала «Приокские Зори».

Что вы нам всем можете пожелать?

ШАБРОВ. Как можно больше и чаще приятных сюрпризов в жизни. И, конечно, удачи. Без нее трудно.

*Николай Тимохин,
г. Семипалатинск, Казахстан*

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

**«МЫ ЗНАЕМ, ЧТО БЫВАЕТ В ЖИЗНИ
СЧАСТЬЕ...»**

(о книге К. Асеевой «На языке любви»)

Член Союза писателей России. Пишет пьесы, рассказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр», «Анюта-Узорница», «Волшебный лес», «Вдохновение», «Услышать друг друга». Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (Тула, 2014). Живет в Брянске.

Клавдию Асееву, живущую в родном городе Карачеве, хорошо знают на Брянщине и за ее пределами. Она автор пяти книг, член Союза писателей России, член Союза журналистов. Лауреат литературных премий «На земле Бояна» и «Серебряная Лира» имени А. К. Толстого. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Читателей привлекает сердечная отзывчивость поэтессы на все, чем живет человек. В калейдоскопе тем отражается ее привязанность к отчему краю, любовь к родным и близким, беспокойство о судьбе Родины, российской провинции. В ее творчестве нераздельны человек и природа, осмыслена цель нашего бытия, приоритетна духовность. И о чем бы ни писала Клавдия Асеева, все пронизано светом любви к людям, природе, жизни.

Книга, о которой я пишу, так и называется — «На языке любви» (Брянск: Издательство «Аверс», 2019 г.)

По названию можно судить о главной теме книги. Содержание первых двух разделов сборника — «Звонок из прошлого» и «Исцели свою душу любовью» — составляют отношения мужчины и женщины. Дальше тематика расширяется, но любовная лирика не исчезает, потому что в ней находит отражение важнейшая ипостась женской судьбы. Как анализировать эти произведения? Сам предмет образного воплощения стихов, загадочен, индивидуален. Но в заманчивом путешествии по лабиринтам жизни души нас сопровождают искренность и исповедальность лирики — важнейшие условия для читательского сопереживания и проникновения в тайнопись сердца.

Эта стихотворная подборка читается как повесть с единым сюжетом в классическом варианте. **Встречи; печаль, горечь расставаний; снова встречи; разлука навсегда; осмысление финала.** Много, много грусти, потому что в целом это печальная повесть о несостоявшемся союзе женщины и мужчины. По какой-то причине герои этого сюжета разошлись, разъехались, разъединили, казалось бы, неизбежную общую судьбу. Но вот что удивительно: по мере чтения как будто начинаешь завидовать лирической героине. Ее чувства так сильны и неизбывны, что заполняют бытие без остатка. В переменчивости настроений — игра самой жизни, заражающая нас приливом чувств, необходимых для души. Не получилось счастья, но любовь никуда не исчезает: она остается в воспоминаниях, снах, желаниях...

Для Клавдии Асеевой понятия «любовь» и «счастье» — это разное. Счастье — мечта, представление о состоянии гармонии с собой и миром, воплощение идеала.

Иногда судьба дарит человеку счастливые моменты. Но **счастье не равно любви**, заставляющей человека испытывать не только радость, но и боль, страдание, отчаяние... Лирическая героиня делает четкий выбор:

*Ты — наваждение мое,
Мой горький рок, мое ненастье,
Беда моя, но все же ее
Не променяю я на счастье.*

*Тобою выжжена душа.
Но эту боль свою лелея,
Как будто угли вороша,
Я не могу расстаться с нею... («Ты — наваждение мое...»)*

Так и живет любящая женщина, испытывая сложные и переменчивые чувства. Она переживает удары измен, отчаяние и неразделенную печаль, обиды, но и — радующую нежность, теплоту взаимопонимания и восторг ответного порыва... Какая женщина не переживала таких чувств? Лирическая героиня Клавдии Асеевой не исключение. Радости и печали не наиграны, не артистичны. Они естественны и искренни, поражают глубиной и силой. Поэтесса всегда находит точное и ясное слово, передающее правду чувства. Меняются обстоятельства, идет время, но, кажется, что любовь становится с годами лишь сильнее:

«Мне с тобой хорошо и плохо. / И никто без тебя не нужен». (Я напьюсь воды из колодца); *«Только я между былью и небылью / Все равно твое имя прочту»* (Чуть вздохнет ветерок на поляне...); *«Но что же тут делать, коль чаще и чаще / Мне в жизни моей не хватает тебя?»* (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...); *«Каждой прожитой морщиной / Все одно — к тебе стремлюсь».* (Перед Богом — все равны); *«Я все еще не верю в наш разрыв, / В неотвратимость тягостной утраты...»* (Я все еще не верю в наш разрыв...); *«...Что там петь, мне дышать неохота — / Так остро опять не хватает тебя».* (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...)

В развитии темы верности чувству любви у Клавдии Асеевой есть маленькие шедевры с пронзительной интонацией, предельно насыщенные гаммой чувств:

*Цветы, подаренные Вами,
Еще цветут в моем окне.
С какими нежными словами
Вы их преподносили мне.*

*И я сегодня, вспомнив это,
В них снова воду заменяю...
Но только лето, наше лето
Уже завяло на корню. («Цветы, подаренные Вами...»)*

Это наши женщины умеют так любить: сильно и навсегда, ничего не требуя взамен:

*«Мне ничего не надо от тебя.
Пусть будет так, как есть. Как получилось...»* (Мне ничего не надо от тебя).

Это наши женщины способны нести по жизни свет любви, прощая обиды:

*«И я живу опять на перепутье,
Еще сильнее, может быть, любя.*

*Всей кровью, всей нехитрой женской сутью
Я жду, чтобы опять простить тебя». (Ты предавать меня не разучился...)*

Наши женщины, расставаясь навсегда, желают избраннику только добра:

*«Над тобой совсем другое небо...
Пусть в нем будет больше синевы,
А под ним — добра тебе и хлеба,
И зеленой свежести листвы». (Над тобой совсем другое небо...)*

Лирика Клавдии Асеевой — как глоток родниковой воды. В ней нет места агрессивным настроениям, желанию мстить, упрекам, жалобам на судьбу, и поэтому грусть-печаль светла, чиста, возвышенна. Такова общая тональность стихотворений. Они выстраиваются в соответствии с логикой развития чувства женщины. Иначе не может быть, потому что автор — женщина. И финал «повести» характерен для жизни русской женской души:

*Было все — и любовь, как награда,
И удачи затейливый миг.
Что теперь в этой жизни мне надо?
Божий лик. (Дни становятся все короче)*

Конечно, в книге два героя: **Он и Она**. Его присутствие в поэтическом пространстве постоянно, оно мотивирует эмоциональное состояние героини, хотя имеет и самостоятельное значение. Клавдия Асеева создает очень интересный образ избранника женского сердца. Он индивидуализирован. У мужчины свой характер, черты внешности, привычки, манера говорить, интересы, своя линия жизни. Он хорошо представим и узнаваем в каждом сюжете. Кажется, что лирический герой буквально списан «с натуры». Ничего подобного! При внимательном чтении мы начинаем понимать, что это **собирательный образ**, созданный по впечатлениям от разных лиц и событий, происходивших в жизни, а также возникающий в воображении. Рисуется идеал, человек мечты, с каким хотелось бы идти по жизни рядом. Не потому ли и сравнивается Любимый то с рыцарем, то с князем («Плодоносит яростно шиповник»); а вот он царь и Бог («Жив курилка!»), витязь («Мнится образ витязя / мне сквозь призму слез...»). И живет Он «в самой дальней, в самой звездной стороне» («Жив курилка!»). Обращение «ты» как будто произвольно меняется на «Вы»: «Мне в Вашем саду невеликом / запомнилась больше всего...» («Базилик»); «Не говорите лишних слов — / В молчаньи Вашем больше смысла...» («Не покупайте мне цветы...»); «Я улыбкой Джоконды / Вас, незваного, встречу». («Иронические стихи»)... А вот интересный вопрос: «Но кто же ты? / Но кто же ты? / Я жду тебя давно» («По краешку...»). В этом нет удивительного — женщина всегда любит немножко воображаемого мужчину. Обратим внимание также на то, что ни одно стихотворение не адресовано конкретному лицу. **Говоря о личном, поэт всегда говорит об общем** — это азбука поэтического творчества. Индивидуализируя образы участников лирической драмы и обобщая характер их взаимоотношений, Клавдия Асеева воплощает свою концепцию любви.

В поэтическом пространстве книги **Он и Она** — два разных мира. Женщине свойственно идеализировать. Ее любовь жертвенна: «Иду к тебе отчаянно, / Себя не берегу» (По краешку...). Мужчине сложно соответствовать идеалу. Лирический герой эгоистичнее, он, по-видимому, больше занят собой, и все у него нормально:

«Мне до тебя не дозвониться, / Не достучаться, не дойти. / Я, словно раненая птица, / Отстала вдруг на полпути. / А ты — вожатый птичьей стаи — / Летись,

расправив два крыла...» (Мне до тебя не дозвониться...); *«Есть жизнь у тебя своя. / В ней есть у тебя жена. / В той жизни чужая я»* (Зачем я тебе нужна)...

Время от времени сила чувства уравнивает героев драмы. Таинственная стихия влечет друг к другу, и уже Он готов рисковать своим благополучием, ища встречи с Нею:

*Мы не виделись целое лето,
Расцвели и опали цветы,
И уже по осенним приметам
Станешь счастье разыскивать ты.*

*С грустью вспомнишь свою недотрогу,
Сигарету раскуришь в ночи,
И начнешь собираться в дорогу... (Мы не виделись целое лето...)*

Несовпадение или совпадение самоочувствий героев определяет в стихотворениях эмоциональное напряжение, его характер и тональность. Поэтессе всегда удается найти единственно верное художественное решение, чтобы передать сложнейшую жизнь души. Она делает это, не прибегая к модной сейчас в литературе гиперметафоризации, впечатляя лишь правдой чувств, ясным, понятным каждому человеку речением. Как это делается? Попробуем заглянуть в творческую лабораторию автора.

Многие стихотворения Клавдии Асеевой — это маленькие пьесы с сюжетами для двоих. При этом художественное пространство наполнено «живыми» картинками, где есть хорошо представимое место действия и осязаемо время. Поэтическое самоочувствие вписано в конкретную картинку, не экзотическую, а узнаваемую, знакомую многим из нас: аллея в парке, у озера, лесная тропинка, у себя дома или в гостях, расставание на вокзале, неожиданный звонок по телефону и т. д. Приметы реальности несут смысловую и эмоциональную нагрузку, нередко **замещающую название чувства**. Это в поэзии Клавдии Асеевой — **фигуры высшего пилотажа**:

*Рухнул мир.
Упало небо.
Тихо ахнула звезда.
Ты ушел, как будто не был.
Без тебя — куда? Куда?
Без тебя не бьется сердце,
Без тебя не греет печь,
Завалилась лавка в сенцах —
И самой бы рядом лечь...*

*Ты ушел,
И нет возврата.
Были вместе — стали врозь.
Пошатнувшаяся хата
Обезумела от слез.
Смотрит вслед тебе окошко:
Ну, куда же ты, родной?
Запах жареной картошки
Остывает за спиной. (Рухнул мир).*

Обратим внимание: чувства лирической героини не названы ни разу. Попробуем это сделать и — убедимся, что каждое в отдельности понятие недостаточно и сужает

спектр переживания. Оно шире возможных определений. Да разве и так не понятно? Все — в картинке.

Смысл многих прекрасных стихотворений Клавдии Асеевой не декларируется, уходит в подтекст. В ее тайнописи есть особенная прелесть; она близка к самой жизни чувств с их стихийностью, невысказанностью, невыразимыми нюансами, едва уловимой переменчивостью... Например, «Дождь в Новозыбкове». О чем Он и Она ведут разговор? Какие испытывают чувства? Сделаем выписку:

Ты встретишь меня с затаенной улыбкою

И скажешь:

— Приехала? Что же, я рад.

Отвечу:

— Я тоже. Но дождь в Новозыбкове

Идет уже третьи сутки подряд.

— Прости. Это осень дорогою зыбкою

Крадется за нами с тобой по пятам.

Ты слушаешь?

— Да. Только дождь в Новозыбкове,

Я, кажется, что-то оставила там...

И дальше идут реплики невпопад, каждый думает о своем, но о самом главном в эти минуты, и проживается еще один эпизод общей драмы. Психологизм глубокий, при этом язык стиха простой и ясный. Это нельзя сочинить, так надо чувствовать...

В лирических переживаниях Клавдии Асеевой нет фальши, намеренности, нигде нет и намек на назидательность, риторика практически исключена. В доказательство можно привести любое стихотворение книги. В произвольных, кажется, свободно льющихся на бумагу откровениях души чувствуется присутствие таланта, природной данности, которой нельзя подражать.

И все-таки. Работа над словом очевидна. В выборе художественных средств есть продуманность, много языковых находок, которые не бросаются в глаза, потому что непротиворечиво вписаны в контекст. Метафоры точны, свежи, эмоциональны, неожиданны...

В поисках образности Клавдия Асеева постоянно обращается к природе. В этом нет удивительного. Природа традиционно для нашего человека — утешительница, источник гармонии и красоты. Для русского сердца она всегда спутница в его душевных переживаниях. Обращение к образам природы для выражения чувств человека восходит к народной лирической песне, распространенному в народных текстах художественному параллелизму. От поэта здесь требуется почувствовать, увидеть знаки природы, соответствующие настроению человека, или, наоборот, противоречащие ему в рамках художественной задачи. У Клавдии Асеевой есть такие выразительные находки, которые и вне текста несут самостоятельную поэтическую энергию:

«Вяжет рот осенняя рябина, / Брызжет соком ягода в руке. / Жизнь прошла. / Любила — не любила? / Все осталось в давнем далеке...» (Вяжет рот осенняя рябина...); *«Ведь меня, твоей улыбки кроме, / Ничего не держит на земле... / И шиповник капельками крови / В предвечерней брызжет полумгле»*. (Плодоносит яростно шиповник); *«Сквозная роца вдалеке — / Так одиноко и уныло. / Слеза забытая застыла / На увядающей щече»*. (Диптих); *«Я старинные приметы / Заучила наизусть, / Знаю, вымокшее лето / Нарыдало эту грусть»*. (Я кричу тебе с порога...); *«Я напьюсь воды родниковой, / Ключевой, бьющей прямо из глуби, / И от той водицы искомой / полыхнут огнем мои губы»*. (Я напьюсь воды из колодца...); *«Расплескалась грусть-печаль моя / В ярко-розовый закат, / Иван-чай цветет отчаянно / Вдоль дороги возле хат»*

(Иван-чай); «Затаю дыханье зыбкое, / Опушу глаза серьезные — / В них моя надежда поздняя / Золотую плещет рыбкою». (Привыкаю к старой мебели...); «Зимний вечер выгнул спину, / Черный кот мелькнул в тиши. / Я рябиной горькой стыну / На краю твоей души». (Первых заморозков иней...); «Осенний дождь слегка накрапывал, / И мыслям было тяжело. / Твой клен еще зеленой лапою / Печально бился мне в стекло». (Осенний дождь слегка накрапывал...); «Ты и я. И осень нам навстречу / Золотое бросило кольцо. / С неба, как подарок, в тихий вечер / Звездочка скатилась на крыльцо». (Сентябрь)...

Найдется ли тот, кто не услышит в этих строчках **переключки с народным образным словом**? Клавдия Асеева — из тех художников, в ком не прервалась связь с народной языковой стихией...

Музыкальность лирики Клавдии Асеевой как благозвучие, качество стиля также сопоставима с напевным языком народной сказки, лирической песни... Мы не найдем в ее произведениях слов или фраз, которые выбивались бы из звукового, ритмического рисунка стиха, «резали бы слух», нарушали бы мелодичную основу звукописи. Это абсолютное чувство стиля. Многие стихотворения читаются, как будто поются песни или романсы:

*Пора туманов и дождей
Тебя внезапно растревожит.
Покажется, что новый день
Опять не так тобою прожит.*

*Что в нем, страдая и любя,
Ты что-то все же не заметил,
И кто-то вновь зовет тебя...
А может, это просто ветер? (Пора туманов и дождей...)*

Есть поразительная особенность лирики Клавдии Асеевой — волшебная **игра со временем**. То, о чем пишется, как будто когда-то уже происходило, состоялось или происходит сейчас, но как будто еще только готовится свершиться. Глаголы упорно употребляются в будущем времени:

«Чуть вздохнет ветерок на поляне, / И покажется — мы не одни»; «Я напьюсь воды из колодца, / Ледяною влагой умоюсь...»; «Переменится погода, / Смолкнет ветер, как дитя... / — Да какие наши годы! — Ты ответишь мне, шутя...»; «Я голос твой однажды не узнаю, / И в трубку телефонную дыша, / Скажу, что нет меня...»; «Ты несколько слов на прощание кинешь мне, / Я их не пойму за вагонным стеклом...»; «На Ивана Купалу / Я костры разведу, / Где заря не ступала, / Тайной тропкой пройду...»

В пределах даже одного произведения прошлое смыкается с настоящим, а настоящее перетекает в будущее. И поэт слышит фатальное течение времени:

*Вишневый сад. Вишневый цвет.
Вишневый аромат столетий.
И нет любви. И счастья нет.
И вечно лишним будет третий.*

*И невозвратность бытия.
И невозможность повторенья.
Еще не слышим, ты и я,
Как рубят сад наш в упоенья.*

Скрещение времен в стихотворениях Клавдии Асеевой — это не прием, не способ письма, это — угол зрения, особенность восприятия жизни, признак философского ее осмысления. Художественная философия не равна выводу, формулировке, она не отграничена в тексте, а разлита в стихотворении, передается через образ, наполненный мыслечувствованием. У Клавдии Асеевой находим не один образец поэтической философии:

*Расщедрился август в последние дни,
И солнце прошло по листве позолотой.
На озере нашем мы снова одни,
Но, кажется, вновь недосказано что-то.*

*Волною качнуло брошенный плот —
Чужой островок в камышовом наряде.
На нем наше лето с тобой уплывет,
И осень тихонько на берег присядет. (Предосенье).*

Как краток счастливый миг! В представленной перспективе еще дороже кажется эта встреча у озера, августовская красота в солнечной позолоте, нарядный островок... Игра со временем дает ощущение текучести или быстротечности жизни, что, в свою очередь, ненавязчиво, косвенно приводит к пониманию ценности всего, что нам дано судьбой. А наша душевная стойкость вознаграждается хоть краткими, но бесценными дарами:

*И все-таки, пускай теперь нечасто
Весенний день нам головы кружит,
Мы знаем, что бывает в жизни счастье.
Случается. И значит, стоит жить. (Юбилейное).*

В последующих разделах книги («Родство», «Листопад», «Переулочек детства») тема любви расширяется. Здесь стихи о матери и отце, о малой родине и России, детстве, волнующих событиях, много посвящений конкретным людям — родным, друзьям, писателям, с кем поэтесса связана по жизни. В этой части книги корректируются жизненные приоритеты. На первый план выходят стихотворения о любви к родине, матери и отцу, кто дал жизнь и определил нравственные векторы в судьбе:

*Я к старым возвращаюсь именам,
Я так же песни старые люблю.
И мне моя родная сторона
Всегда — как в бурю гавань кораблю. (Старое...)*

Это поэзия самого высокого звучания: «Милая моя родина...», «Как оторваться от родной земли...», «Опустевшая деревня», «Родство», «Мама», «Отец мой печи клал отменно...» и др. Стихотворения, пронзительные до слез. Они сколь индивидуальные, столь общечеловечны. Читая их, кажется, что поэт услышал голос твоего сердца, нашел слова единственные, но знакомые и простые. И опять не случайно поэтесса переходит на народный язык. Он — в выборе отдельных слов, речевых оборотов, интонаций, как, например, в стихотворении «Горе-горюшко». Его невозможно назвать стилизацией. Живое слово любящей души.

Есть темы, которые предполагают слово «громкое», яркое, звучное, когда поэт говорит «во весь голос». Но прочитаем стихотворения «Письмо с дороги», посвященное белорусской поэтессе Таисии Мельниченко; «Родник», «Над Сожем», «И

снова ваша мова» (друзьям-белорусам), «Сколько прожито в России...» о гомельских друзьях... Обычно такие стихи читаются со сцены, на праздниках. Но Клавдия Асеева все равно переходит на свой, трепетный, негромкий голос, потому что душевнее — тихое слово. Она сама говорит об этом в стихотворении, давшем название сборнику: «На языке любви / Цветы молчат». Не имеют официозного звучания и стихотворения о героическом прошлом нашей страны: «Называла пьяницей жена...», «Фронтальной медсестре», диптих о подводной лодке «Курск»...

Проникновенные посвящения друзьям-литераторам, современникам и классикам не «датские» по сути, то есть приуроченные к датам. Читая их, чувствуешь выстраданность темы, ее неслучайность в творческом развитии. Таковы посвящения братьям по перу, брянским поэтам, А. Г. Мехедову, С. П. Кузькину, любимым классикам Ф. И. Тютчеву, А. К. Толстому, М. Ю. Лермонтову... В осмыслении литературных судеб вырабатывается свое представление о задачах творчества, критериях мастерства, примерах состоявшейся творческой личности. Вот — интереснейшее стихотворение-итог:

*Что в этой жизни земной нам обещано? —
Светлая тайна лесных родников,
Родина, мама, любимая женщина
Есть у поэта вовеки веков.*

*Что в этой жизни? Какая отметина
Имя его сохранит на ветру?
Песню пропел он — и роца ответила
Голосом птиц в вышине поутру.*

Стихотворение посвящено памяти прекрасного поэта из Орла Виктора Дронникова, а в нем — ответ на вопрос о смысле творчества. Успех, популярность, растиражированность — не то, что обеспечивает поэту память на века. Прежде всего — это чувство родины, слияние слова поэта с жизнью родной земли, сила ощущения родства с нею.

Прекрасный поэт живет в Карачеве. Ее поэзия целительна. Закрывая книгу, понимаешь: можно что-то в жизни потерять; могут не сбыться желания, мечты... Но нельзя не любить людей, природу, жизнь. Потому что жизнь и есть любовь. Эта мысль легла в основу стихотворения, посвященного Ф. И. Тютчеву: «Любил он гордо и отважно. / Любил он тайно. Разве важно? // Ведь главное — любил...» (Ф. И. Тютчев). Так в книге Клавдии Асеевой сомкнулись: концепция личности любимого поэта и концепция любви. Если в душе поэта живет любовь, он открыт жизни:

*Послушай, как растет трава,
Когда весной земля проснется,
И закружится голова,
И новый день с любви начнется.*

*И твой сегодня каждый шаг
Особой вехою отмечен.
И вечен май. И мир наш вечен.
Да будет так.*

К. Асеева

К 60-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

18 ноября 2020 года тульские писатели отметили свой знаменательный праздник — ровно шестьдесят лет назад, в далеком 1960 году, в Туле появилось областное отделение Союза писателей РСФСР. У его истоков стояли наши легендарные писатели — Наталья Деомидовна Парыгина и последний личный секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Булгаков.

Тульская земля издавна славится богатым культурным наследием. В Ясной Поляне родился, жил и создавал бессмертные произведения великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В Туле жили и работали В. В. Вересаев, Глеб и Николай Успенские, М. Е. Салтыков-Щедрин. С Тульским краем прочно связаны имена В. А. Жуковского, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Г. А. Скребицкого и многих других известных писателей. Тульские поэты издавна занимали видное место в русской поэзии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что произведения В. А. Жуковского, П. П. Сумарокова, В. И. Богданова, А. С. Хомякова, поэтов-декабристов Н. А. Чижова, братьев Бобрищевых-Пушкиных включались в хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданные в шестидесятые годы прошлого столетия. Многие из них были не только выдающимися поэтами, но и видными общественными деятелями, просветителями, игравшими большую роль в развитии культуры и российской словесности. Сюда многократно приезжал И. С. Тургенев, который увековечил память о тульской земле в знаменитом рассказе «Записки охотника».

Лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин, 150-летие со дня рождения которого недавно отмечено, также неоднократно приезжал в Тулу, поскольку в городе Ефремове Тульской губернии проживали его родственники. В Туле неоднократно бывал великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

С Тулой связана административная и литературная деятельность известного писателя-сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Он был выходцем из старинного дворянского, а по матери — купеческого рода. Но под влиянием социалистических идей пришел к полному отрицанию помещичьего уклада, буржуазных отношений и самодержавия. В Туле Михаил Евграфович служил с декабря 1866 по октябрь 1867 годов в качестве управляющего Тульской казенной палатой. Своеобразные особенности характера Салтыкова-Щедрина, проявленные им во время руководства важным правительственным учреждением, были запечатлены служившим под его началом тульским чиновником И. М. Михайловым в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1902 году.

Солнце русской поэзии, Александр Сергеевич Пушкин высоко ценил творчество ряда тульских поэтов девятнадцатого века. Например, стихи А. С. Хомякова он признавал прекрасными. Алексей Степанович Хомяков был не только хорошим поэтом, но и глубоким мыслителем, ученым, меценатом и благотворителем. И не случайно, что благодарные туляки до сих пор ежегодно проводят в его родовой усадьбе под Тулой традиционные Хомяковские чтения, чтят его память.

Многие годы с Тульским краем был связан другой выдающийся поэт — Василий Андреевич Жуковский. Его А. С. Пушкин назвал одним из основоположников новой русской поэзии. Более того, Александр Сергеевич считал себя «его учеником».

Творчество В. А. Жуковского во многом определило дальнейший литературный путь таких великих поэтов, как Лермонтов, Баратынский, Тютчев. По словам выдающегося литературного критика В. Г. Белинского, В. А. Жуковский наполнил русскую поэзию новым содержанием. Эти чувства были присущи и лирике других тульских поэтов девятнадцатого века: В. Богданов, И. Родионов, Н. Макаров.

Непростая и во многом трагичная судьба свела с тульской землей знаменитого поэта Ярослава Васильевича Смелякова. В 1946 году его освободили из заключе-

ния, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области. Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском, затем стал помощником заведующего банно-прачечным комбинатом. Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность.

Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии во Дворце культуры. Стихи Смелякова начали печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно сказать, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь.

Но и наши современники — тульские писатели, с которыми мы встречались, общались, разговаривали и подчас не придавали этому совершенно никакого значения, также создали произведения, известные не только в нашем городе. Назовем тех, кого сейчас уже нет вместе с нами, и кто внес наиболее существенный вклад в развитие литературы.

Наталья Парыгина создала цикл произведений о своих современницах, среди которых выделяется неоднократно переизданный роман о русской женщине — «Вдова». Книги Натальи Парыгиной «Дни весенние», «Что сердцу дорого», «Любой ценой», «Сын» связаны с Тулой, а роман «Вдова», получивший в 1974 году поощрительную премию Союза писателей СССР и ВЦСПС на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение о рабочем классе, отражает историю строительства и развития Ефремовского завода синтетического каучука.

«Яснополянский сенокос» — так была названа книга Юрия Щелокова, вышедшая в издательстве «Советский писатель», и само ее название говорит о привязанности поэта к родному краю. Этим чувством пронизаны и другие его сборники. С большой любовью к знаменитому уголку земли тульской — Ясной Поляне написаны этюды Галины Езерской «Живые, трепетные нити», изданные в Туле и Москве. В послевоенные годы большую роль в развитии литературного движения в области сыграло областное литературное объединение, председателем которого многие годы был директор Приокского книжного издательства Н. В. Виноградов. В 1949—1958 годах в нашем городе выходил альманах «Литературная Тула», где печатались произведения А. А. Елькина, М. П. Кольчугина, А. И. Туликова, П. Т. Стародубцева и других тульских прозаиков и поэтов.

Но в Туле и области не было своей писательской организации. В 1958 году двое тульских литераторов: бывший личный секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков и прозаик Н. Д. Парыгина были приняты в члены Союза писателей СССР и прикреплены к Курской писательской организации. Через два года в Тулу переехали на постоянное жительство еще трое членов Союза писателей, и в ноябре 1960 года по решению Правления Союза писателей РСФСР в Туле была создана писательская организация. По случаю этого события в город приехали на организационное собрание председатель Правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, секретари Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и А. Д. Салынский. Ныне Тульская писательская организация насчитывает около пятидесяти человек. О творчестве каждого из них можно рассказать очень много интересного.

В Туле развились и окрепли таланты поэта Владимира Лазарева — на его стихи была создана популярная песня «Березы», прозаика Игоря Минутко — автора повести «Мне восемнадцать лет», ставшей прообразом известного фильма «Стяги». Укращением Тульской писательской организации стал старейший писатель Тульского края Валентин Федорович Булгаков — автор известных книг «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», «О Толстом», «Встречи с художниками», «Лев Толстой, его друзья и близкие», многих статей о писателе, очерков, пьес.

Тульская писательская организация гордится именем члена Союза писателей СССР, внука знаменитого художника — Поленова Федора Дмитриевича. Писатель, общественный деятель Ф. Д. Поленов родился в Москве, но свою жизнь связал с тульским краем, с родиной своего знаменитого деда, известного русского художника Василия Дмитриевича Поленова. Выпустил несколько сборников рассказов: «Долина Любосны», «Теплые края», «За открытой дверью», «У подножья радуги». Ф. Д. Поленов являлся составителем большого числа фотоальбомов, посвященных музею-заповеднику «Поленово».

Другой известный тульский прозаик — И. Ф. Панькин, 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2021 году, родился в далеком 1921 году. Но широко известен стал, когда вышла его книга под названием «Легенда о мастере Тычке». Тычка — это своеобразный прообраз тульского Левши.

Скажем сразу: Панькин — это единичное, знаковое явление в нашей среде. Сочетание природного таланта, сиротского детства, в котором им был накоплен огромный жизненный опыт, и национальные этнические черты мордвина дали тот великолепный сплав, из которого рождались произведения этого самородка. Иван Федорович Панькин стал развивать редкостный, особый сказовый жанр. В результате появились сказки и легенды Таласской долины («Серебряный голос»), «Легенды о матерях», матросские легенды и сказы «След на море». Но главным достижением этого писателя я считаю создание легенд и сказов о тульских мастерах. Герой его «Легенды о мастере Тычке», наряду с лесковским Левшой, стал литературным героем Тулы. Его «Легенды о матерях» были включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя на доме в Туле, где он жил, появилась мемориальная доска.

Большой вклад в копилку тульской литературы вносят наши писатели и поэты Виктор Пахомов, Владимир Куликов, Валерий Ходулин, Валерий Савостьянов, Владимир Родионов, Валерий Виноградов, Евгений Трещев, Геннадий Маркин, Алексей Яшин и другие члены Союза писателей России, стоящие на учете в Тульском отделении. Тульская писательская организация постоянно пополняется за счет литературного актива, новых авторов, которые проходят жесткий, взыскательный отбор. Для этого создан и успешно работает Творческий совет, возглавляемый поэтом, руководителем Новомосковского и Узловского литературных объединений Валентином Киреевым.

В последние годы были приняты в Союз писателей России талантливые поэты Валерий Виноградов, Алексей Гусаков, Галина Лялина, участник Великой Отечественной войны Алексей Иванович Мосин и многие другие.

Патриархом тульской словесности можно назвать Сергея Львовича Щеглова — талантливого журналиста и публициста, писателя, литературного критика. С ним мне посчастливилось некоторое время работать вместе в газете «Коммунар». И он запомнился как принципиальный, взыскательный и талантливый журналист. Сергей Щеглов, критикуя статьи коллег, всегда давал дружеские советы, помогал начинающим авторам, к числу которых относился и я. Сергей Львович Щеглов-Норильский прошел большой жизненный и творческий путь. Он оставил после себя тысячи газетных статей и публикаций в газетах, альманахах, сборниках, антологиях прозы и поэзии. Написал несколько талантливых книг-исследований о творчестве ряда писателей. Оставил о себе память как организаторе многих общественных объединений, бессменном руководителе Тульского отделения «Мемориал». И, конечно, свои собственные публицистические книги, которых насчитывается более десятка наименований.

29 декабря 2019 года ушел из жизни старейший тульский писатель, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин города Тулы, академик Международной педагогической академии, член Союза писателей России Вячеслав Иванович Боть.

Этот уникальный ученый, краевед, писатель был настоящим украшением нашей писательской организации. Как отмечает интернет-сайт «Свободная энциклопедия «Википедия», «Вячеслав Иванович Боть — советский и российский музейный работник, краевед Тульской области. Директор Тульского областного краеведческого музея, ведущий научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева, заслуженный работник культуры РСФСР». Главной страстью Вячеслава Ивановича было увлечение военной историей Тульской области. Этой большой научной работой он занимался всю жизнь. Но и писал замечательные лирические стихи, много произведений посвятил Туле, ее героической обороне. Например, в книге «Наша Россия» в стихотворении «Песня Тульского рабочего полка» особо отметил подвиг героических защитников в обороне города в годы Великой Отечественной войны.

Вот уже 15 лет в Туле издается всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (главный редактор Алексей Яшин), издающийся под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы. В инфраструктуру журнала входят альманахи «Ковчег» (главный редактор Яков Шафран), «На лирической волне» и Тульская сторонка» (главный редактор обоих альманахов Сергей Сенин).

В Туле много подвижников литературы — тех, кто не жалея собственных сил и средств, издает или издавал художественно-литературные газеты, журналы и альманахи. Это Сергей Овчинников (альманах «Тула»), Валентин Киреев (сборник «НЛО»), Валерий Маслов (газета «Тула литературная»), Эдуард Георгиевский (альманах «На крыльях «Пегаса»), Дмитрий Кузнецов (газета «На крыльях души»), Валерий Виноградов (сборники Алексинского литобъединения «Алло»), Владимир Пряхин (альманахи «Среда» и «Средоточие»), и другие. Член Союза писателей России Николай Макаров подготовил и издал справочник «Писатели тульского края» (2020 год).

Большую работу по организации литературного процесса в Туле проводит поэт, председатель Тульского отделения Союза писателей России Николай Жуков. Он работает, создал и ведет в Интернете на высоком уровне сайт тульских писателей. На нем каждый творческий туляк может разместить свои произведения, сообщается о всех новостях литературной жизни.

Немалую организаторскую работу по привлечению к творчеству молодых проводит член Союза писателей Владимир Сапожников. Он — организатор Тульских областных слетов молодых литераторов. Именно на них писатели выделили молодых и талантливых поэтов Дмитрия Нестеренко и Анастасию Насырову из Новомосковска, прозаика Владиславу Васильеву из Узловой и других. Кстати, Д. Нестеренко намечен к приему в Союз писателей на ближайшем собрании тульского отделения.

*Валерий Маслов,
г. Тула*

